

РОМАНОВА

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ С ПРИНЦЕМ

Крепка как смерть любовь

*Новый
РОМАН*

Детективная мелодрама

Галина Романова

Последняя ночь с принцем

«ЭКСМО»

2006

Романова Г. В.

Последняя ночь с принцем / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2006 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-21933-9

Маргарита Жукова никогда ни в кого не была влюблена. Даже в соседа Серегу, носившего ее на руках на четвертый этаж. И тут вдруг по уши втрескалась в нового владельца квартиры, выглядевшего истинным принцем. Но, как это обычно бывает, между ними встала роковая блондинка. Против ее чар у рыжей невезучей Маргариты нет никаких шансов. И тут неожиданно они появились! Ведь красавицу... нашли мертвой. Никогда Марго не удалось бы доказать, что она непричастна к ее гибели, если бы не... внезапное исчезновение принца! Оказалось, он совсем не тот, за кого себя выдает. Но значит ли это, что он еще и убийца?... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-21933-9

© Романова Г. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Романова

Последняя ночь с принцем

Глава 1

О том, что его зовут Эдуард, она узнала три дня назад. Это был момент их четвертой встречи, им она вела строгий отсчет. Хотя, она была в этом почти убеждена, он о ее существовании даже и не подозревал.

Так вот, она в тот четвертый по счету раз топталась у открытого зева мусоропровода и делала вид, что опускает туда пластиковый пакет с мусором. Пакет давно улетел вниз и шлепнулся где-то там, издав глухой шмякающий звук, минуты три-четыре назад. Но она продолжала торчать около мусоропровода и делать вид, что мусор выбросила только что.

Эдуард – ее новый сосед по площадке, занявший «двушку» съехавших полгода назад Пироговых, вышел из своей квартиры. Запер дверь. И вот тут как раз, не дав ему двинуться к лифту, и зазвонил его мобильный. И ей пришлось опять делать вид...

Она совсем не хотела подслушивать, боже упаси! Ей просто нужно было с ним столкнуться нос к носу. А если бы она ушла сразу после звонка, то ни за что бы не встретила с ним. Или он мог пройти по лестнице слева, а она могла подняться справа, так вот причудливо та огибала шахту их лифта. И ни за что не столкнулась бы с ним, и не увидела бы его еще раз. Потому стояла и делала вид...

– Алло! Да, да, Николаша, это я! Да что ты, в самом деле! Никто тебя не разыгрывает! Это я – Кораблев Эдуард! Точно я!.. Ну... Слава богу! Привет, привет, конечно же! – весело отвечал кому-то ее новый сосед, оказавшийся Кораблевым Эдуардом, и шаг за шагом приближался к дверям лифта, смотрящим как раз на раскрытую зловонную пасть мусоропровода, где она топталась в нетерпеливом ожидании. – Увидимся! Непременно!!! Да недавно совсем... Когда увидимся?.. А давай в субботу. На даче? У вас? С удовольствием! Нет, приеду один. Да нет пока... Да вот так... Ну, если кто подвернется...

И вот тут он увидел ее. Правильнее сказать, посмотрел на нее, но не увидел точно. А она замерла стойким оловянным солдатиком и с такой мольбой глядела на него, что не проникнуться не мог даже слепой. Но он ничего не заметил. Эдик Кораблев, продолжая весело болтать по мобильному, повернулся к ней спиной. Шагнул в лифт. И как только двери лифта за его спиной сомкнулись, уехал вниз.

Еще какое-то время она слушала монотонное гудение, гуляющее по шахте. Потом с грохотом опустила заслонку мусоропровода и пошла к себе.

Вот так-то, Маргарита Николаевна! Оставь свои бесплодные мечтания, оставь и живи своей прежней – постной и неинтересной – жизнью. Шлепай ежедневно на службу, сиди там по восемь часов, таращась в компьютер, потом возвращайся домой и таращись уже в телевизор. По выходным отправляйся за город к сестре, набив рюкзачок подарками и конфетами ее детишкам. Пересиди там под яблоней пару дней, послушай птиц, помечтай легонечко. Именно легонечко, не заносясь, как вон с Эдиком...

А ее точно занесло! С чего бы это... Уж не с того ли, что он поселился в соседней квартире?! Так это же бред! Там и до него жили, Пироговы, к примеру. У них тоже взрослый сын был очень даже ничего. И она с ним даже несколько раз сходила в кино. И он даже лез к ней целоваться прямо в лифте. А она, как полоумная, хохотала над ним, и все упиралась руками в его бугрящуюся мышцами грудь, и почти никогда не давала себя поцеловать. Идиотка...

Чего было не завести с ним серьезный роман, к примеру? И потом, может быть, выйти за него замуж... Его мамаша, такая предприимчивая дамочка из современных, даже заходила

к ней пару раз и приценивалась к ее трехкомнатным хоромам. И шутила на предмет того, что неплохо бы было соединить обе их квартиры, пробив дверь в прихожей. Не получилось...

Пироговы съехали. Квартира очень долго пустовала, а потом... Потом, на ее беду, туда заселился Кораблев Эдуард, отчества она не знала. И пошло, и поехало...

Рита открыла свою квартиру, зашла в прихожую, толкнула бедром дверь, захлопывая, и тут же обессиленно прислонилась к ней спиной. Взгляд бесцельно поблуждал по унылым обоям в цветочек, наклеенным абы как в прихожей. Остановился на дверном проеме кухни. Огромной кухни, метров двадцать почти. Гулкой, просторной и неухоженной. Потом переметнулся на двойные двери гостиной. Она мало чем отличалась от кухни. Была огромной, пустой и неуютной. Две другие комнаты были сестрами-близнецами. Пустые стены, голые полы, полное отсутствие мебели.

Надежды на то, что когда-нибудь ее квартира приобретет приличный вид, у Риты не было никакой. Ее зарплаты, пускай она и считалась вполне приемлемой, никогда не хватит на то, чтобы отремонтировать и обставить сто с лишним квадратных метров, оставленных ей бабушкой в наследство.

Сестре достался добротный дом в пригороде, а ей вот квартира. Сестре повезло больше в том плане, что ей в придачу к дому достался еще и муж. А у мужа имелись руки, которые росли из нужного места и которым он всегда находил применение. В результате за восемь лет их совместной жизни бабкин дом-пятистенок приобрел второй этаж, мансарду, газовое отопление, канализацию, горячую и холодную воду, и еще оброс таким шикарным садом, что последние пару лет ребята были вынуждены рассовывать фрукты по местным торговым точкам.

– Мужика тебе надо, Ритка! – восклицал Аркадий, муж ее сестры Анны, смотрел на нее оценивающим взглядом, одобрительно прищелкивал языком и снова добавлял: – Пора! Ой, давно пора, Ритка.

Она и сама знала, что вроде бы пора. Но все как-то не получалось. Или не хотелось, что ли. Вот чего, спрашивается, над Пироговым ржала, как умалишенная?! Парень как парень. Спортсмен, денег получал опять же прилично, работая у кого-то там то ли охранником, то ли телохранителем. Он и на квартиру новую своей семье заработал. Потому они и съехали. А Эдик вон заселился, чтоб его...

Рита сбросила с ног старые босоножки, в которых обычно выносила мусор, и уныло побрела на кухню. С грохотом водрузив на огонь чайник, она села к столу, подперла кулаком подбородок и бездумно уставилась в окно. Большой стол с патриархальным названием «ладья», ее недавнее приобретение, Рита намеренно поставила вдоль широченного подоконника. Когда она за него усаживалась, то видела лишь улицу, все остальное – пара утлых навесных шкафчиков, облупившаяся раковина и обшарпанная дверь – оставалось у нее за спиной.

А свои окна Рита любила. И вид из них тоже. Вид был потрясающий, его можно продавать за деньги. Из кухонного, например, виден широченный городской мост и большая часть проспекта с мчащимися по нему машинами. Из одной спальни – сквер, танцевальная и детские площадки. А другая комната и гостиная выходили окнами во двор, засаженный вековыми елями. К этим деревьям, к их суровой молчаливой задумчивости Рита питала особую любовь. И в канун Нового года, дотягиваясь из окна до ближайшей еловой лапы, она укутывала ее блестящей мишурой и любовалась потом до тех пор, пока январскому студеному ветру не удавалось растерзать мишуру на мелкие сверкающие частички...

Пироговы тоже по ее примеру наряжали ели. И часто зазывали соседку на чай с тортом. Рита приходила обычно с коробкой конфет и скромно усаживалась в их тесноватой кухне. А они все хлопотали и хлопотали вокруг. Кто чайную пару ей пододвигает, это обычно папа делал. Кто кипятку подливает и огромный кусок торта в блюде подкладывает, здесь обычно мама суежилась. А вот сынок их в таких случаях просто держал Риту за руку и шумно дышал

ей в ухо. А Рите снова становилось смешно, потому и вкуса угощения почти не чувствовала. Чудная...

Нет, все же зря она не приняла его ухаживаний. Хороший же был парень, крепкий и здоровый. Однажды на спор втащил ее на руках на их четвертый этаж и даже не запыхался. А она снова смеялась над ним. Ну, не дура!..

А теперь вот на тесноватой кухоньке Пироговых обосновался Кораблев Эдик. И тоже, наверное, пьет чай и завтракает каждое утро. Но ее к себе не зовет, просто-напросто не замечает. И не заметит, наверное, никогда. А вместо этого поедет в ближайшую субботу на дачу к неведомому ей Николаше. Один поедет, без спутницы, потому что никто ему наверняка не успеет подвернуться. А если и успеет, то это уж точно будет не она. И Эдик поедет вместе с подвернувшейся ему спутницей на эту чертову дачу на своей лимонно-желтой спортивной машине, что урчит под вековыми елями всякий раз, как он ее заводит...

Они будут мчаться все быстрее и быстрее. Будут ловить встречный ветер и улыбаться друг другу, а ветер станет трепать их непослушные пряди, и им будет хорошо и беззаботно вместе. Только... Только это будет не она, не она, не она...

Рита с силой потеряла глаза, нехотя выбралась из-за стола и принялась готовить себе кофе. Кофе она принципиально пила только растворимый, так и не научившись понимать всей прелести аромата молотых зерен. Она покупала дорогой растворимый кофе, заливала его крутым кипятком, разводила горячими сливками и насыпала туда три ложки сахара. Наводила этого, как укоряла Анька, суррогата трехсотграммовую кружку и пила затем долго и с наслаждением.

Рита подхватила с рабочей столешницы приготовленный кофе и вернулась к столу у окна.

На мосту была пробка. Оно и понятно – час пик. Народ жарился под послеполуденным солнцем, задыхался выхлопными газами, проклинал все огромные города, вместе взятые, и попутно не уставал удивляться, куда это все собрались в то самое время, когда конкретно ему нужно домой. Так бывало почти каждый вечер. Часа через полтора машины начнут двигаться чуть быстрее, и ближе к ночи мост и вовсе опустеет. Тогда она выпьет стакан горячего молока с мятой, распахнет настежь форточку и, задвинув на ночь старенькую занавеску, пойдет спать.

А пока она сидит на кухне перед окном, цедит по глотку свой любимый растворимый кофе и пытается представить себе Эдика на Николашиной даче вдвоем с девушкой, которая ему могла случайно подвернуться.

Она непременно будет блондинкой, он же брюнет. Будет такой же высокой и длинноногой, что и он. Одета во что-то короткое... Хотя нет, она будет в непременных шортиках, обтягивающих ее хорошенькую попку. И в такой же непременно короткой маечке, открывающей ее совершенный пупок и большую часть тугой аккуратной груди... Им будет весело, наверное. А почему нет? Отношения, ничего не требующие взамен, самые необременительные и самые приятные.

Они выпьют, шутя. Полакомятся закусками, потом настанет время шашлыка, а потом...

Рита нахмурилась.

Потом могло быть несколько вариантов сразу. Они могли остаться ночевать, занявшись любовью в одной из спален для гостей. Могли уехать и проститься у подъезда ее дома, так и оставшись добрыми друзьями. А могли...

– Да до черта они могли бы! – с горечью прошептала Рита, и глаза ее сами собой наполнились слезами.

Вот если бы она была с ним на этой самой даче! Вот если бы случилось чудо, и Эдик обратил на нее взор своих темных прекрасных глаз и вдруг ни с чего взял и пригласил бы с собой... Она бы тогда... Она бы тогда точно поверила в чудо, и верила бы в него до конца дней своих. Только он ее не позовет. Ни за что не позовет. Рита об этом знала. Как знала, что чудес на свете не бывает. И если они у кого-то и случались, то были и не чудом вовсе, а результатом долгого кропотливого труда. А разве можно тогда считать это чудом? Нет, конечно...

Она допила кофе. Ополоснула чашку в зеленых (!) божьих коровках под мощной струей воды. И сунула ее на полку, застеленную белой бумагой. Чем теперь заняться, она понятия не имела. Можно посмотреть телевизор, конечно. Но не хотелось... Можно, намотав на швабру огромную тряпку, пройти по голым полам. Но все это делалось вчера, и пыль еще не успела осесть на давно не крашенных досках ее пола... Почитать? Можно, конечно, но строчки точно начнут плыть и растекаться перед глазами, а теснить их станет ее навязчивое видение: длинноногая белокурая красавица рука об руку с Эдиком Кораблевым. Они идут босиком к лодке, привязанной у старой ветлы. И, отвязав ее, будут плавать по спокойной глянцевой воде, и целоваться тоже будут...

– Дура! – снова воскликнула Рита и метнулась к телефону на бабушкиной тумбочке у дивана в гостиной. – Полная дура...

Анька долго не брала трубку. Оно и понятно, жара немного спала, самое время поработать в саду и на грядках. Пока до телефона добредет. Ведь сотню раз уговаривала их купить трубку, нет, все экономят.

– Алло, – пропела Анна низким контральто.

– Привет, сестра. Чем занимаешься? – Рита сморщилась своему глупому вопросу.

– Да уж не бездельничаю, – тут же подхватила та. – Нет бы, приехала вечером да помогла морковку прополоть. А то сидишь там, да в окно на мост таращишься.

Рита дала сестре поворчать. Уселась на диван, подтянула ноги к подбородку и как бы вскользь обронила:

– А у меня новый сосед.

– Да?.. И кто же?.. А что же Пироговы?.. Ох-ох-ох упустила парня, шляпа!.. Какой парень, какой парень... Кто же заселился-то?.. – вопросы сыпались из Анны, как пули из пулемета, при этом она успевала греметь кастрюлями на своей кухне, отдавать приказания своему Адику и ругаться через распахнутое окно на детей, шаливших во дворе. – Ритка, Ритка... Как же ты могла так лопухнуться-то?! Какой был мальчик, спортсмен...

– Комсомолец, красавец, – подхватила Рита, недовольно сморщившись. – Я все это уже слышала, Нюра. Зато теперь какой поселился!..

– Какой? – Вопрос упал как бы в пустоту, это значило, что Анна замерла на месте, с чем была в руках – с кастрюлей, так с кастрюлей; с ведром, так с ведром. – Ну-ка, не молчи, какой он, твой новый сосед?!

– Он... Он из мечты, Анька, – молвила Рита и кисло улыбнулась своему отражению в неработающем телевизоре.

– Из чьей? Из твоей, что ли? – фыркнула Анна недоверчиво. – Ты же мечтать-то не умеешь! Ты же у нас прагматик, аналитик, скептик и еще не знаю кто – в одном лице. Из мечты! Скажет же...

Сестра быстро переключилась на бытовые проблемы, надиктовала Маргарите целый список того, что нужно ей привезти к выходным, и, снова звучно закричав на детей, поспешила проститься.

– Ей не до тебя, Маргарита Николаевна, – проговорила Рита своему печальному отражению в телевизоре. – У них семья, заботы. А у тебя их нету. У тебя только красивый сосед и имеется. И всех дел-то у тебя, это торчать в своей берлоге и мечтать о нем.

Печальный монолог ее был прерван внезапным звонком в дверь. Рита от неожиданности вздрогнула и с изумлением уставилась на старые бабкины ходики с незатейливыми косолапыми мишками по циферблату. Они точно указывали на восемнадцать ноль-ноль и безошибочно намекали на то, что в это время к ней никто и никак не мог зайти. Друзей у нее раз-два и обчелся, но и они в это удушливое жаркое время года предпочитали морские побережья. С соседями она не то чтобы не ладила, но беготню за солью и куском хлеба не поощряла. Ни сама

не бегала, ни к себе не зазывала. Да к ней и не шел никто. Только вот Пироговы, да и то затем, чтобы пригласить ее на чай. Вот ведь дались они ей сегодня, весь день вспоминает...

Звонок между тем не унимался.

Рита сползла со скрипучего дивана, по-старушечьи шаркая, прошла в прихожую и открыла дверь. И как только она ее открыла, так сразу все и поняла. А поняв, тут же возненавидела себя, свою незавидную долю и ту прекрасную незнакомку, что стояла сейчас на пороге ее квартиры.

– Добрый день, – пропел ангел с такими шикарными белокурыми прядями, что Рите тут же захотелось до них дотронуться и подергать, настоящие ли они. – Вы Рита, да?

– Здравсте... – мяукнула она и дернула уголками губ, выдавливая улыбку. – Да, я Рита. А вы?

– А я Зина... Зина Соколова. – И барышня полезла в объемную сумку за документами. – Вам должны были звонить.

– Мне звонили, – нелюбезно оборвала ее щебет Рита и выдернула из рук паспорт. – Но меня не предупредили, что вы... Что вы...

– Так молода? – Зина кокетливо повела плечиком.

– Да. – Рита внимательно прочла паспорт, с горечью констатируя, что девушка на два года моложе ее и не замужем. – Мне было сказано, что за ключами придет Зинаида Витальевна Соколова. У меня как-то, знаете, не ассоциируется Витальевна с вашим возрастом.

Она не лгала ни капли. Когда ей вчера позвонила Серафима Ивановна и предупредила, что очередной ее соседкой будет эта самая Соколова Зинаида Витальевна, она никак не могла предположить, что в соседнюю по площадке квартиру вселится такой вот ангел во плоти. Зинаида Витальевна, понимаешь... Ну, была бы старушкой, ну женщиной средних лет, на худой конец. Их за то время, что соседка сдавала свою однокомнатную квартиру, перебивало воз и маленькая тележка. И старых, и пожилых, и с детьми, и без... Но вот таких!.. Таких никогда не было. И ведь как некстати все, как некстати! Надо же было ей вселяться как раз в тот самый момент, когда Эдику Кораблеву нужна спутница на выходные.

Нет, она, Рита, этого точно не переживет. Все самые смелые ее надежды были благополучно похоронены этой Зинаидой Витальевной. И ведь та даже представления не имеет, насколько подходит на роль его девушки. И высокая, и белокурая, и ноги длинные. Грудь точеная, попа аккуратная. Манеры, голос, ну все, буквально все соответствует. Вот что ей, Рите, теперь делать?! Запереть Соколову за соседской дерматиновой дверью на веки вечные? Или напелсти что-нибудь про Кораблева? Например, что он сексуальный маньяк или что он скрывается от алиментов?..

Не годится. Ничего не годится. Зина и на первый взгляд не была идиоткой. А со второго Рита даже начала проникаться к ней запретной симпатией. Почему запретной? Да потому что давно дала зарок не питать ни к кому теплых приятельских чувств. Либо друг на всю жизнь, либо никак. Друзей у нее было немного, все они начинали с раннего детства и благополучно дошагали до их общего жизненного четвертака. Знали друг о друге все или почти все. Ссорились, обижались, но верили друг другу и не предавали. А приятельство... Оно хорошо, быть может, но не в таком вот тесном соседстве и не при таких драматичных обстоятельствах.

Рита отперла дверь Серафимы Ивановны ключом, оставляемым ей на хранение. Распахнула дверь перед Зинаидой и буркнула:

– Прошу!

Зина на удивление легко подхватила оба своих объемных чемодана и грациозно двинулась следом за Ритой в квартиру.

– Здесь ванная. Здесь туалет, это кухня. Холодильник рабочий, нужно только включить в розетку, – речитативом повторяла она давно выученный наизусть сопроводительный текст. –

Это комната. Балкон заколочен. Не старайтесь его открыть. Телевизора нет. Но радио работает. У вас... У вас много вещей или это все? Я в том смысле, вы надолго?

Ей бы очень хотелось услышать отрицательный ответ, но вместо этого Зина легко и немного принужденно рассмеялась.

– Время покажет, знаете... Я еще точно не решила, понравится ли мне тут...

Понравится! Еще как понравится! Очень хотелось съязвить Маргарите, но она вовремя прикусила язык. Ни к чему дразнить гусей. Может, они и не увидятся вовсе. Может, и пронесет, и в субботу с Эдиком в гости к Николаше поедет она – Маргарита Николаевна Жукова, а не эта Зинаида.

Девушка, между тем, устало опустила на широкую софу Серафимы Ивановны. Вытянула длинные ноги, сбросила туфли на высоких каблуках и, расслабленно шевельнув пальцами ног, пробормотала еле слышно:

– Отстой... Полнейший отстой...

– Что, простите? – Рита просто к месту приросла, услышав подобное.

Вот как шла к выходу, не забыв нацепить ключ от квартиры на дежурный гвоздик, так и застыла.

Что сейчас молвил этот белокурый ангел?! Отстой?! И это она, именно она произнесла?! Своим милым, чудесным, ярким, ангельским ротиком произнесла такое грязное слово?! Хмм... Может, и не все так плохо, как Рите изначально показалось.

– Это вы о чем? О квартире, о жизни или вообще? – не удержавшись, поинтересовалась Рита.

И чего было в ее вопросе больше: сарказма или радости, Рита и сама бы затруднилась ответить.

– А? – вскинулась было Зинаида, чуть покраснела, но потом махнула рукой и со вздохом произнесла: – Да обо всем, господи! И о квартире – разве же не отстой? И о жизни – такая же фигня. И вообще... Рита, а вы как насчет бутылочки за знакомство?

Рита была категорически против.

Во-первых, она не любила спиртное. Если приходилось выпивать, потом долго и омерзительно страдала желудком, головной болью и презрением к желтоватому цвету своего лица.

Во-вторых, она не любила пить с кем-то, кроме друзей или родных.

А в-третьих, она принципиально никогда не пила с незнакомыми ей людьми.

Но с другой стороны...

С другой стороны, когда ей еще представится случай узнать о Зине побольше. Зинаида выпьет, дай бог, разговорится. И тогда...

Рита вздохнула и решительно отказалась.

Пей с ней, не пей, Зинаида от этого не подурнеет и не превратится в уродливую карлицу. И если у нее достаточно ума, то Зина скорее попытается прошупать ее, нежели пускаться в откровения. Ей, Рите, это нужно? Нет, конечно...

– Рита, вы заходите, ладно! – крикнула ей в спину Зинаида.

Маргарита вышла, не ответив. Прикрыла соседскую дверь. Шагнула к своей, подняла глаза и едва не задохнулась.

Эдик стоял, прислонившись к притолоке двери, и мило улыбался ей навстречу.

– Привет, – проговорил он, улыбнулся еще шире и спросил: – Мы ведь соседи, кажется?

– Кажется... – произнесла Рита мгновенно севшим до хрипоты голосом. – Я Рита.

– А я Эдуард, но можно просто Эдик. – Кораблев распрямился и шагнул вперед, вытянув руку. – Очень приятно.

– Мне тоже очень приятно, – изумленно пробормотала она, широко распахнутыми глазами глядя на его склонившуюся к ее руке голову.

Он распрямился и какое-то время продолжал еще ей улыбаться. А потом вдруг спросил:

– Рита, а что вы делаете в эти выходные?

Оп-па! Вот вам и чудо, господи! А она еще не верила! Еще тосковала, и в окно на мост глазела, и жалела себя, жалела, жалела...

– Я?! Я... кажется...

Ну, говори же, говори! Не стой столбом и не моли господи продлить очарование!

– Я... пока не знаю, если честно, – невинно соврала она, забыв про обещанные сестре сумки с провизией. – Возможно... буду свободна. А... почему вы спрашиваете?

– Да вот хотел разделить с вами свободные выходные, Рита. Вы как, не против? – продолжал лучезарно улыбаться Кораблев, удерживая в своей руке ее. – Друзья пригласили на дачу, а одному как-то... Так что, Рита, едем?

Ответить она не успела. За спиной щелкнул дверной замок. Лопатки обдало сквозняком, потянувшим из открывшейся двери Серафимы Ивановны. И Зинаида голосом милым и невинным поинтересовалась:

– Куда это вы собрались, ребята? А мне с вами можно, а, соседи?

Кораблев с Маргаритой замерли с открытыми ртами. Такого вмешательства в личную жизнь, которую они только-только начинали ладить, они не ожидали.

Зинаиду их молчание не сломило. Она обогнула невысокую Риту Жукову слева. Встала с ней рядом, сразу заставив Риту почувствовать себя коротышкой, так как Зинаида возвышалась над ней на целую голову. Грациозно протянула совершенной формы руку с безупречным маникюром Эдику и со значением представилась:

– Зинаида...

Пару секунд Кораблев изумленно помалкивал, потом встряхнулся. Схватил ее тонкие пальчики и поднес к губам, в точности повторив жест, подаренный несколько минут назад Маргарите.

– Эдуард, – проговорил он сдавленно, после того как распрямился и не без восторженного блеска в глазах уставился на Зинаиду Витальевну Соколову. – Мне чертовски приятно, что у меня... У меня такая... такие соседки.

Он вовремя исправился, потому что Рита совсем уже было собралась укрыться под сенью своего жилища. Теперь же она собиралась выстоять до конца это грандиозное шоу под названием «гибель ее несбывшихся надежд». И понаблюдать за тем, как Кораблев начнет выкручиваться, избавляясь от нее. То, что он ей предпочтет Зинаиду, она не сомневалась ни секунды.

– Так куда мы едем? – с легкими капризными нотками в голосе продублировала вопрос Зинаида.

Это был нормальный тон привыкшей к поклонению красавицы. Тон, заведомо рассчитанный на успех. Кораблев должен был сейчас оттеснить Риту Жукову к дальним перилам. Подхватить под локоток Зинаиду и постараться увлечь ее к себе. Там они должны распить за знакомство бутылочку, как девушка того и жаждала. Потом могло произойти все что угодно: от похода в театр до жарких постельных сцен, а в субботу они непременно помчатся в гости к Николаше. Это был как раз тот самый случай, который ему должен был подвернуться. Все логично, в принципе...

Но Эдик Кораблев вдруг повел себя совсем непоследовательно. Совсем не так, как от него ожидали. Он резко выпрямился. Неприлично высоко задрал подбородок и с плохо скрытой насмешкой переспросил:

– Мы?..

– Ну, я слышала... – заспешила Зинаида, нервно сводя лопатки и чрезмерно сильно выпячивая высокую грудь.

– Что вы слышали, Зиночка?

– Ну... что вы будто бы куда-то собираетесь, – ее нежные щечки пошли неровными красными пятнами.

– И что же? – Он и не думал ей помогать.

– И подумала, что я... может быть, могла бы... – Ангельский голосок совершенно потерялся в обуревавшем ее негодовании.

– Могли что? – Кораблев продолжал измываться над ее желанием напроситься с ними в гости.

– Могла бы поехать с вами, черт! – вдруг взвизгнула Зинаида Витальевна Соколова, мгновенно превратившись из ангела в растревоженную Медузу горгону. – Можно подумать, ты не догадался... Э-эдик!

Над лестничной площадкой будто кто занес вакуумный колпак, разом высосавший все звуки. Все трое поочередно переводили взгляды друг на друга и изумленно молчали. Причем изумление их было совершенно различным.

Рита, к примеру, совершенно искренне изумлялась тупости Зинаиды, не позволяющей ей рассмотреть чье-то нежелание идти у нее на поводу. У Эдика изумление было почти тем же, но к нему еще примешивалась откровенная издевка контролирующего ситуацию человека. А Зиночка непередаваемо злобно изумлялась человеческой недалекости. Ведь очевидно же, что она выигрывает рядом с этой рыжеволосой нескладехой, и чего держать позу и затягивать паузу, все равно же будет так, как хочется именно ей, а не кому-то там еще...

Молчание длилось бесконечно долго. Никто не желал нарушать его, брать на себя инициативу и пытаться выкрутить ситуацию. Все молчали и продолжали смотреть друг на друга.

Сейчас, думала Рита, вот сейчас он непринужденно рассмеется. Обнимет их обеих и скажет какую-нибудь глупость из разряда «утро вечера мудренее». И в субботу незаметно улизнет на своей низкой утробно урчащей машине с Зинаидой. Пока Рита будет собираться, они умчатся и станут ловить встречный ветер и...

– Сожалею, – вдруг обронил Кораблев, скорчив притворную скорбную гримасу. – Но мест всего лишь два. Как-нибудь в другой раз, Зиночка. Нам с Ритой очень жаль. Не так ли, Маргарита?

Рита лишь слабо кивнула, так и не поверив до конца в то, что только что произошло. Этот Эдик Кораблев легким движением ломал все стереотипные ее представления о мужчинах вообще, и о красивых мужчинах в частности. Разве так бывает?..

Кровь отхлынула от поразительно нежных щечек Зинаиды. Она слегка кивнула, как бы соглашаясь, и на негнущихся ногах убралась обратно в квартиру Серафимы Ивановны.

– Лихо! – Рита качнула головой. – А вы с ней не круто?

– Нет. – Его взгляд, только что глумливо улыбающийся Зинаиде, вдруг сделался жестким и совершенно непроницаемым. – Не люблю таких вот самонадеянных красавиц, считающих всех остальных припадающими к их ногам. Мне гораздо проще с такими, как вы, Рита. Итак, до субботы...

И он ушел к себе, кивнув ей на прощание. А она еще какое-то время стояла на площадке перед дверью своей квартиры и размышляла.

Интересно, он сам-то понял, что только что сказал? Понял или нет, что минуту назад очень ненавязчиво и недвусмысленно опустил Риту, указав походя ее место?..

Глава 2

Утро субботы выдалось безоблачным и веселым. Рита сотню раз примеряла пару новых летних костюмов, на все лады тасуя юбки, брюки, пиджаки и легкие кофточки, к ним прилегающие. Все ей удивительно шло и удивительно нравилось. А ведь еще имелись новые шорты, с которых она даже этикетки не успела состричь. И эти шорты прекрасно сочетались с одним из легких пиджаков. И шлепанцы она купила непозволительно дорогие и непозволительно изящные. Никогда бы прежде она не потратилась на такую непрактичную обувь. Всегда считала ее неудобной, вычурной, предназначенной лишь для конкретного «охмурежа» мужской половины человечества. Сегодня она собиралась надеть именно их, потому что решила как раз этим и заниматься. Она собиралась «охмурять» своего соседа Кораблева Эдуарда по полной программе. И позволять ему все решила, и даже провоцировать непременно...

Рита выскочила на балкон и приложила ухом к тонкой бетонной перегородке. За ней был балкон Эдика.

Прежние жильцы, Пироговы то есть, хранили на нем связки тугих березовых веников. Веники эти готовились с весны, долго вязались и потом сушились все лето. По осени складывались в мешки и ждали часа своего применения.

Эдик веников не вязал. Эдик на балконе часто пил кофе и еще чаще разговаривал по телефону. Сейчас он там суется. Рита, прислонившись ухом в шероховатой бетонной крошке, слушала, как он гремит жестяными пивными банками, шуршит пакетами, снова гремит, на этот раз стеклянным чем-то, и затем снова раздавалось шуршание пакетов.

Собирается... Собирается с ней на отдых...

В груди ее пекло и плавилось. В висках давило и постукивало. А руки с ногами делались непослушными, будто деревянными.

Она на цыпочках возвращалась в спальню, из которой был выход на балкон. Снова хватала купленные накануне вещи и снова примеряла их.

Анька, услышав о ее немыслимых тратах, пришла в ужас.

– Ты же на спальную гарнитуру собирала, дура! – плаксиво закончила она свою сестринскую проповедь. – Живешь, как в казарме. Голые стены...

– Это много лучше, чем голая задница! – огрызнулась тогда Рита.

И тут же услышала многозначительную вставку Адика, выхватившего трубку у своей супруги:

– Это смотря в каких случаях, Ритуля...

Она положила трубку, впервые за много лет вздохнув с облегчением. Не до них ей сейчас, совсем не до них.

И снова замерла у зеркала, доставшегося ей, как и многое другое, от бабки.

Что же надеть?..

Шорты были высоковаты и для начала выглядели слишком вызывающе. Потом как-нибудь... Пожалуй... Да! Легкая кофточка без рукавов цвета горчицы, на два тона темнее тоненькие брючки, косынку на волосы, шлепанцы на ноги, пакет с вещами в руки и плетеную сумочку на плечо.

Все! Она готова! И она во всеоружии! Теперь все, что от нее требуется, – это быть, а не казаться умной. Немного, совсем чуть-чуть искушенной. И слегка, едва заметно насмешливой. Загадка... Вот чего не хватает многим женщинам, и это как раз то, чем она сразит наповал нового соседа.

Рита собралась и замерла у своей двери. До назначенного времени оставалось чуть меньше пяти минут. Метаться по квартире и хватать вещи, рискуя забыть что-нибудь самое

важное, она сочла неуместным. Лучше уж она соберется заранее и подождет. Раздастся звонок, она для приличия выдержит паузу в полминуты и затем откроет. И потом...

Ее сердце снова приятно и трепетно заняло.

Неужели, неужели у нее все сбудется?! Неужели впервые пойдет именно так, как хочется ей, а не кому-нибудь?! Тьфу-тьфу-тьфу, хоть бы не взглянуть...

Кораблев позвонил не через пять, а через десять минут после назначенного времени. Рита так измучилась ожиданием, что не стала выдерживать тридцатисекундную паузу и распахнула дверь, стоило последней трели замереть на высокой ноте.

– Привет! – У двери стояла Зина и, воинственно подбоченясь, недобро на нее поглядывала. – Готова? Давай вниз. Мы ждем тебя в машине...

Она все правильно рассчитала, эта длинноногая стерва. Все правильно сообразила, оставив ее торчать с оторопелым видом на пороге. Пока Рита придет в себя от потрясения. Пока сообразит, что к чему и кто с кем, Зина уже спустится в лифте на первый этаж. Займет место рядом с водителем. И станет потом с ним вести светский треп, с нетерпением поглядывая на часы и на подъезд, где замешкалась эта нескладная копуша.

Когда Рита выходила из подъезда, спотыкаясь на каждом шагу и неловко волоча ноги из-за непривычной неудобной обуви, ей дико хотелось плакать. Швырнуть оземь пакет с тряпками, сбросить с ног глупые шлепанцы, осесть прямо в теплую махровую пыль у подъезда и расплакаться.

Сука! Сука, сука, сука! Как она смогла?! Когда успела?! Она же не должна была, не должна!!! А теперь... А теперь Зина сидит рядом с Эдиком в его низком желтом автомобиле и ведет с ним милую беседу. При этом она откинулась на сиденье так, что ее наглые твердые соски ошетинились прямо на него, того гляди, выстрелят. И пупок ее... Совершенный, загорелый, с крохотным малюсеньким колечком, оказался именно таким, каким его представляла Рита.

У Кораблева все же хватило ума выбраться из машины и усадить Риту позади себя. При этом он хотел казаться на редкость внимательным, нежно трогал ее локоток, нес ее сумки и даже шепнул на ухо, что она прекрасно выглядит.

Скотина... Он-то как мог так поступить с ней... Она... она же деньги все потратила, которые откладывала на спальный гарнитур, а он с Зинкой...

Риту буквально вдавило в мягкое обтекаемое сиденье, стоило мотору взречь на полную мощность. Она даже не успевала рассмотреть окрестности.

Солнце, солнце, солнце, бьющее в ветровое стекло, боковые зеркала, отпрыгивающее от капота, скользящее по голым плечам Зины и слепящее Риту. Солнце и еще серая лента шоссе, перепоясанная дорожной разметкой. Деревья, трава, люди, дома, все штриховалось бешеной скоростью до неразличимости.

Лишь съехав с шоссе и углубившись в лес, Эдик сбавил газ.

– Лихо! – восторженно молвила Зинаида и шумно зааплодировала. – Тебе как, Ритуля? Как тебе скорость?!

Ритулю, скажи она хоть слово, могло и стошнить, поэтому она промолчала, ограничившись пожатием плеч.

Проселочная дорога шла сначала лесом, потом ныряла в глубокий овраг, петляла по самому дну его, а затем покатым склоном снова вывел их к лесу. Спустя минут десять показался и дачный поселок. Разномастные дома, крохотные наделы земли, дощатые заборы.

– Ты куда нас завез, Эдичка?! – Судя по тону, Зинаида была разочарована. Она крутила головой по сторонам и так высоко взбрыкивала коленками, что норовила снести Эдику бардачок.

– А ты думала, что тут трехэтажные особняки? – Кораблев скосил насмешливый взгляд в ее сторону. – Так то на Рублевке, уважаемая Зиночка. А тут базируются те, кто попроще.

Сеют морковку, сажают помидоры, собирают яблоки. А те, кто все это, не посеявши, кушают, обретаются на Рублевке...

– А тебе что же, туда вход заказан?!

Это был очень странный вопрос, заданный Зинаидой. Первый из целой серии ее вопросов, которые Рите мало сказать показались странными. Они иногда откровенно намекали на непроходимую глупость Зиначки. Но она задавала их Эдику весь день и весь вечер, чем довела его в конечном итоге до бешенства.

Сейчас он пока казался спокойным.

Кораблев совершенно беспечно пожал плечами и ответил ей:

– Да, знаете ли, рылом не вышел. Не тяну я до Рублевки, Зиначка, своим статусом и доходами.

– Да?! – снова изумленно воскликнула Зина. – А мне кажется, что я там тебя неоднократно встречала. Или я ошиблась?

– Возможно. – Он все еще был беспечен. – Мало ли людей, похожих друг на друга.

– Да, да, наверное. – Она улыбнулась ему так, что у Риты, наблюдающей за ними в зеркало заднего вида, похолодело в желудке. – Тем более, что тот парень, похожий на тебя, носил совсем другую фамилию. И отзывался он не на Эдика, а на совершенно другое имя.

– Вот, вот, говорю же, ты ошиблась. – Машина сделала резвый рывок в сторону и, минуя шлагбаум, прочертила колею в высокой густой траве. – Тут объезд. Николаша наверняка забыл предупредить охрану о нашем приезде...

Дом Николаши стоял особняком ото всех других и если не тянул на звание богатого коттеджа, то белой вороной среди серой массы остальных строений являлся однозначно. Участок в двадцать соток был огорожен сеткой, увитой плющом, и рассмотреть с дороги, что за этим самым забором делается, не было никакой возможности. Широкие ворота впустили их внутрь, и гости обнаружили сокрытые плющом бетонные дорожки, изумрудные газоны и декоративные водопады. Никаких тебе помидорных и огуречных грядок. Ни единого ствола плодового дерева, только туи, пихты и еще какая-то колючая дребедень. Рита от этого ландшафта пришла в уныние, Зиначка – в полный восторг.

– А говоришь, что только на Рублевке! – Она шутливо ткнула Кораблева в бок. – Тут шикарно, у твоего Николаши. Кстати, а кто он?

– Он-то?.. – Кораблев нацепил на нос солнцезащитные очки, успев подмигнуть перед этим остолбеневшей от всего увиденного Маргарите, и ответил не без тайного удовлетворения: – В средствах массовой информации Николаша значится бандитом.

Зиначка слабо пискнула и затихла минут на десять. Нельзя сказать, что кто-то от этого расстроился.

Они выбрались из машины, забрали из багажника свои сумки и двинулись к высокому крыльцу с коваными чугунными перилами. Навстречу им уже спешил высоченный здоровяк. Босиком, в шортах по колено, с голым волосатым пупком, Николаша являл собой весьма колоритную особь. А зная, к тому же, что о нем отзываются как о бандите, Рита, знакомясь с ним, была весьма настороженна.

– Расслабься, девочка, – хохотнул бандит и трахнул ее по плечу так, что у нее заслезились глаза. – Здесь тебя уж точно никто не обидит... Ай да Эдька! Ай да молоток! Говорил, что по-прежнему один, а мало одной, парочку с собой прихватил! Которая твоя?

Кораблев дипломатично дернул плечами, обескураженно развел руками и отрицательно замотал головой. Мол, сам еще не определился, или что-то в этом роде. Николаша его наверняка понял. Забрал у дам их поклажу и зашлепал грязными пятками обратно к дому. Следом за ним двигалась Рита, а за ними уже Кораблев с Зиной. Он, конечно, мог и не выделяться и сразу указать на Зину, как на свою девушку. Ни одному идиоту не придет в голову назвать своей Риту, когда рядом такое совершенство, как Зинаида.

Зря поехала... Зря! Нужно было найти повод для отказа, сокрушалась Маргарита, следуя за Николашей и с брезгливостью наблюдая за тем, как, перевалившись через резинку шорт, колыхаются его объемные тела.

Вот мерзость так мерзость. Еще, чего доброго, приставать начнет, коли Эдик с Зинкой... Зря поехала, дура. В чудо она поверила, понимаешь. Случится оно, как же, чудо-то!.. Случится, но не с ней, а с той самой белокурой серной, что стелет шаг сейчас за ее спиной.

Зря потащилась в такую даль с этой сладкой парочкой, совершенно зря...

Она забралась следом за хозяином по высоким ступенькам на крыльцо. Вошла в дом и первый раз с облегчением вздохнула. У Николаши имелась супруга. Очень красивая, очень стройная и с такими же, как у Зины, белокурыми длинными прядями волос, льном стелившими по ее обнаженным плечам.

– Добрый день, – скованно поздоровалась Рита и протянула ей вспотевшую ладошку. – Маргарита.

– Здравсте... Ванда...

А, ну да, конечно! Как же еще могло зваться подобное создание, как не Вандой! Хорошо, что хоть не Николь, да не Кидман...

Рита окончательно загрустила.

Она молча прошествовала за Николашей в отведенную ей крохотную спальню для гостей, еле-еле вместившую односпальную кровать, тумбочку и пару вешалок за занавеской. Дождалась, пока хозяин уберется прочь, и лишь тогда с облегчением упала на кровать.

Вот тебе и день исполнения желаний! Мало того, что Эдик взял с собой Зинаиду, так хозяин к тому же оказался бандитом, женщина его глупой белобрысой куклой, и комната, что отвели лично ей, – Рите, недвусмысленно указывала как раз на то самое второстепенное место, которое было предопределено ей изначально.

А она-то, дура, размечталась... Денег много потратила так необдуманно... Собиралась же спальную мебель покупать и уже приглядела тот, что ей нравился и на который она собрала бы денег где-то через полгода-год...

Рита качнулась на печально скрипнувших пружинах, нехотя поднялась и выглянула в окошко. Оно выходило на небольшой луг, обсаженный липами. А прямо за лугом огромным лиловым глазом сверкала поверхность пруда. И несколько лозинок вокруг, и даже лодка имелась, и не одна, а целых четыре. Все точь-в-точь так, как ей и представлялось. Только кататься в лодке Эдик повезет Зину, а не ее. Все правильно, все справедливо. Так почему бы, пока хозяева щебечут со своими гостями, развлекая их на все лады, пока женщины ревностно оглядывают друг друга, ей не удрать из дома и не отправиться на этот самый пруд...

Быстро переодевшись в шорты, футболку и удобные тапочки на резиновой подошве, Рита незаметно выскользнула из дома, выбрав наугад одну из дверей, ведущую, как оказалось, на задний двор.

Ее ухода никто не заметил. Или сделал вид...

Она неторопливо прошла лугом, с удовольствием ощущая упругое похлестывание высокой травы по ногам. Обошла поочередно каждую липу, прислоняясь к растрескавшейся коре стволов и у каждой почти загадывая желание. Это, конечно, глупость сплошная, но девчонки на работе что-то такое говорили про гороскоп друидов. Рита решила попробовать. Потом спустилась к самой воде и, выбрав наугад одну из лодок, уселась на согретую солнцем скамейку.

Время приближалось к полудню. Ветки лозинок лениво перешептывались с легким ветром, им вторило легкое поскрипывание весел в уключинах, да вымученно морщилась легкой рябью поверхность пруда. В остальном было очень тихо и совершенно безлюдно. Может быть, Николаша вместе с землей приобрел еще и этот прудик? Кто знает... Но факт отсутствия людей Риту очень устраивал.

Она сидела в лодке, вытянув ноги, и слегка ее покачивала. Гнала волну, что называется. Волны были так себе, маленькие и совсем невнушительные. Они отпрыгивали от лодочной кормы, набирали скорость, чуть разрастаясь, а потом будто нехотя сливались с водной рябью и вскоре исчезали.

Вот интересно, подумала Рита, чем таким занимается этот Николаша, что имеет такой дом, такую женщину и Кораблева Эдика в друзьях?

Дом стоил денег, благоустройство тоже, и такая женщина, как Ванда, не могла соблазниться на годовой доход в пятьдесят тысяч долларов. Значит... Значит, он и вправду бандит?.. Тогда, что их могло связывать с Кораблевым?

Эдик смотрелся вполне респектабельно, уходил на службу в дорогом костюме и при галстуке, возвращался всегда в одно и то же время. Рита наугад определила его в адвокаты, а тут вдруг Николаша, да еще бандит...

– Что за вздор ты тут несешь?!

От того, каким голосом произнес сию фразу тот самый человек, о котором она сейчас думала, Рита вздрогнула. С кем это он разговаривает в таком тоне, интересно?

Любопытство Маргариты не успело разрастись до мучительного. Почти в то же самое мгновение над прудом разнесся шаловливый хохоток Зинаиды, и она что-то забормотала горячо и сдавленно.

Понятно... Им тоже понадобилось уединение. И они тоже притащились к пруду, решив покататься на лодке, как Рита им и предрекала, только вот с чего-то вечера не дождались. Сейчас стало очень жарко, солнце просто обжигало, проникая наверняка и под широкие поля Зиночкиной панамы. Дождались бы вечера и тогда... Вечером только на лодке и грести. Слушать мягкий плеск воды, наблюдать за тем, как равномерно погружаются весла в кисельную черноту пруда. Скользят там, как под стеклом, и снова вырываются наружу, брызгая вокруг сотней мелких капель. И говорить тогда много приятнее. Говорить тихо, неторопливо, не раздражаясь. Не так, как сейчас говорят эти оба!

Страсти, между тем, накалялись. Зинаида прибавила оборотов и звенела уже достаточно громко, но все так же неразборчиво. Эдик же отвечал ей редко и отрывисто. Закончила Зина неожиданным вопросом:

– Но как ты мне все это объяснишь?!

– А я должен?! – Кораблев уже почти рычал, но все так же сдерживался, чтобы не заорать на нее в полный голос. – Кто ты такая, черт возьми?! Зачем сюда притащилась?!

Вот-вот... Действительно, зачем?

Рита обрадованно заерзала в лодке, потревожив прибрежную осоку. Та укоризненно зашелестела саблевидными листьями.

– Я??? – завершала Зина, добавив в голос слезливости. – Я кто такая??? Тебе ли не знать, Э-эдик!

От того, как именно она произносила его имя, Риту воротило. Дамочка в самом деле зарвалась. Двухдневное знакомство еще не дает ей права...

– Я же люблю тебя! И давно люблю! – воскликнула Зина, сразу развеяв миф Маргариты о двухдневном знакомстве этих двоих. – И ты ли не знаешь об этом!!!

– Представь, не знаю, – устало обронил Кораблев и в полный голос выругался: – Вот послал мне бог испытание. Мы же с Ритой решили поехать, чего ты пристала!

– С кем, с кем?! С Ритой?! С этой ржавой крысой?! Да... Да пошел ты, скотина!

И Зина с плачем убежала. На какое-то время вернулась благословенная тишина, и следом по траве прошуршали шаги Кораблева.

– Подслушиваешь? – ехидно поинтересовался он, забираясь в соседнюю лодку и присаживаясь на скамейку.

– Очень надо! – вспыхнула Рита, которая после Зинкиного «комплимента» в ее адрес намеревалась вернуться в домик и начать тут же собирать свои вещи. – Я первая сюда пришла и вас особо не приглашала. Вот...

– Справедливо, – быстро согласился Эдик. – Извини... А что, Рита, не покататься ли нам на лодке?

– Нам? А... а как же Зина? – кажется, ее несостоявшееся чудо вознамерилось вернуться с полдороги.

– Да ну ее! Она меня, если честно, уже достала. Бормочет что-то о какой-то судьбоносной встрече, о любви своей, о старом знакомстве. А я ее, если честно, впервые увидел на лестничной клетке, когда с тобой знакомился. Может, и пересекались когда, я не запомнил. Я, если честно, таких девиц побаиваюсь.

– Каких?.. Каких таких девиц? – на всякий случай решила уточнить Рита, подавая ему руку и перешагивая через борт к нему в лодку.

– Таких, что путают понятия «любовь» и «замужество», – туманно пояснил Кораблев и принялся отвязывать лодку. – Не люблю прилипчивых, самонадеянных и таких вот чрезмерно, просто слащаво прекрасных. Все в них предельно правильно и гармонично: ноги, грудь, кожа, волосы... Барби! Глупые пустые Барби! Николаша вон тоже себе такое сокровище отцепил, чудак-человек... Нет, мне такие женщины не по сердцу, да и не по карману, если честно. Мне больше нравятся такие, как ты, Ритуля. Не избалованные, без претензий и без светского неживого лоска...

Он болтал без умолку, выруливая лодку на середину пруда. Болтал и крутил головой по разным сторонам. И не видел, как Рита закусила губу от обиды и еле сдерживается, чтобы не зареветь с досады.

Он что же, на самом деле такой толстокожий или намеренно жалит ее?! Да, она не избалованная, она без претензий, и светского лоска в ней нет. Она именно та, про которых поется: нелюбимая плачет у окна...

Она никогда прежде не плакала, но всегда была нелюбимой, почти всегда. В этом состояла ее трагедия. И, свыкнувшись с этим определением для себя, она никому уже не верила. Если на нее обращали внимание, она сразу щетинилась, подозревая в этом подвох. Если начинали ухаживать – какую-то корысть. Как вон в случае с Пироговым. Ей все то время, что он пытался за ней ухаживать, казалось, что предприимчивые соседи нацелились на ее квартиру.

Что именно нужно от нее Кораблеву, она пока никак не могла сообразить. Но что не любовь, это бесспорно.

Как назвала ее Зина? Ржавой крысой? Что же... в этом была своя правда.

Рита не была шатенкой, не была блондинкой, и брюнеткой ей стать не было суждено. Ее волосы не были цвета неспелой пшеницы, как об этом романтично твердят поэты. Ее волосы имели цвет несмелой ржавчины. В одном пощадила ее судьба, остановив эту природную коррозию в начальной стадии. Страшные ржавые пятна не полностью изъели ее тугие тяжелые пряди, зато гадкая несмелая ржавчина коснулась ее души и сердца.

Потому-то сейчас, сидя напротив Кораблева Эдика и слушая его беззаботный треп о природе, погоде и о том, что именно привлекает его в таких вот непривлекательных женщинах, как она, Рита с ужасом понимала, что рядом с ним ей не место.

Что бы она себе ни напридумывала, о чем бы ни мечтала, ничего не будет... Рядом с ним она не могла претендовать даже на роль гадкого утенка. А все почему? А все потому, что у нее совсем не было шансов со временем превратиться в прекрасного лебедя. Она была гадкой, гадкой, гадкой... Гадкой внутри и гадкой снаружи. Ей не было места на их празднике красоты и совершенства. Что бы он ни говорил, ей не было места рядом с ними...

Зачем господь послал это испытание ее тронутой ржавчиной душе?! Зачем поселил между этих двух ангелов?! Он будто специально собрал их всех вместе. Как долго он их соби-

рал, одному ему и было известно, но вот то, что из этого потом получится, он не подумал. Вернее, сделал это за него кто-то другой. Тот, при звуке чьего имени хочется суеверно перекреститься.

Зачем, зачем, зачем...

Уж не за тем ли, чтобы она начала презирать их обоих?!

Все ей сейчас казалось мерзким: и Зиночкина грациозная непередаваемая прелесть, от которой его якобы воротило (врет же, как сивый мерин врет!); и его мужественная неповторимая красота, красота, знающая себе цену. Он потому и говорил Рите сейчас эти отвратительные вещи. Он знал, что она все проглотит. Он не мог знать одного...

Он был вне ее биополя. Не ее поля ягода. И не ее сук, на котором ей не сидеть. И не ее мечта, которую ей не прожить.

Не ее, не ее, не ее...

А чей же он, господи, чей?! Кому предназначено такое совершенство?! От Зиночки, грациозной, красивой, ухоженной, он тоже отказался. Отказался и ничуть не жалеет, а даже радуется, словно свалил с плеч непосильную ношу. Или старательно делает вид?..

– Ритуля, высадимся? – Нос лодки замер в трех метрах от противоположного причалу берега. – Побродим?

Почему нет? Она побродит, раз того требует дело. Что именно подсказывало ей, будто не все так безоблачно, как кажется, Рита не знала. Но что-то подсказывало. Что-то бередило и дергало, а не пойти на поводу у таких тревожных симптомов она не могла. Не была бы она тогда Жуковой Маргаритой Николаевной...

Лодка с глухим стуком ударилась о крутой берег. Эдик выбрался, нацепил веревочную петлю на железный штырь, торчащий из земли, и протянул Рите руку.

Она послушно сошла следом за ним на берег и без лишних слов безропотно двинулась в сторону темнеющей полосы молодых елок. Смысла не было... наверное. Совсем не было смысла продолжать то, чему не могло быть продолжения. Но ей вдруг сделалось интересно. Вот родился в ее душе такой противный, злобный интерес: а что же дальше?..

И она шла, влекомая им, следом за Кораблевым. Почти не слушала, о чем тот распинается, а просто шла.

Остановились они внезапно. Сначала остановился Эдик, потом Рита.

– Хорошо тут как, тихо, – проговорил он, стоя к ней спиной. – И нет никого. Как будто мы в другом, вымышленном мире...

И он повернулся к ней. Повернулся и шагнул навстречу. Рита не сделала ни единой попытки помочь ему. Стояла и просто наблюдала. Наблюдала за тем, как он поднимает руки, легонько трогает ее волосы, улыбается чему-то с нежностью, и тянется к ней с поцелуем.

Так странно все это было... Для нее странно. Почти незнакомый мужчина, бывший для нее еще вчера мечтой, а сегодня дьявольским искушением, целует ее. Целует с нежностью и трепетом, а с ней ровным счетом ничего не происходит. Это казалось Рите каким-то неправильным. Даже от поцелуев бывшего соседа Пирогова в ее груди сладко что-то сжималось, а тут совсем ничего.

Рита, стоя вплотную к Кораблеву с запрокинутой головой, тихонько приоткрыла глаза. Глаза Эдика были плотно сомкнуты. Темные жесткие волосы разметались над вспотевшим лбом. Острые верхушки молодых елок венчали картину, а надо всем этим распласталось голубое бездонное небо. Такое чистое, такое прозрачное, что не захочешь, а вспомнишь классический Аустерлиц...

Рита не вспомнила.

Она смотрела на расплывшийся след, оставленный самолетом, и тихонечко недоумевала. С какой стати этот самый след не будит в ее душе ничего трогательного и простого. Не кажется

вспорхнувшим пухом одуванчика, к примеру. А все больше напоминает размытое очертание коровьего позвоночника. Тьфу, гадость какая!

Анька бы сейчас укоризненно сказала: «Вот, вот, а то придумала – мужчина из мечты, это же не про тебя...»

Наверное, не про нее. Разве можно было тогда предаваться откровенному цинизму в объятиях этого самого мужчины из мечты? Хотя... Хотя, с другой стороны, крохотная доля задорного, здорового цинизма нужна как раз с такими мужчинами. Мужчи́нами из мечты...

Глава 3

В доме сделалось тихо...

В его огромном доме сделалось так тихо, что, казалось, все часы остановились, все звуки умерли. Только что возилась в постели Настя, тихонько всхлипывая о чем-то во сне. Методично молотил маятник огромных напольных часов в холле и где-то в котельной тихо урчал водонагреватель. И тут же сразу все стихло. Правильнее сказать, не вдруг и не сразу. Сначала раздался телефонный звонок. Негромкий, вкрадчивый телефонный звонок, перевернувший все мгновенно с ног на голову...

Роман Иванович Баловнев выбросил руку вправо, нашарил аппарат, стащил с него трубку и, стараясь не потревожить Настю, хрипло прошептал:

– Да!

– Спишь, паскуда. – Это был не вопрос, это было утверждение, сопровождаемое довольным хмыканьем. – Ну, ну, поспи пока... Пока она еще жива и дышит...

Роман проснулся мгновенно. Он не ожидал услышать ничего подобного. И голос этот был ему незнаком, и ситуация, мало сказать, отдавала драматичностью, она показалась ему зловещей. А ведь этого быть не должно! Не должно, хоть убейся!

В его жизни все безоблачно. В его жизни все хорошо. В его жизни все основательно... Это стало его девизом, ему он следовал, и тот никогда его не подводил. И тут вдруг такой звонок.

Осторожно выбравшись из-под одеяла, Роман на цыпочках пересек огромную спальню, их с Настей спальню. Тихо прикрыл за собой дверь и, отойдя подальше, тревожно спросил:

– Кто это говорит?!

– А то ты не знаешь!

– Нет! Честное слово, нет, не знаю! И даже не догадываюсь!

– Ну, ты и сволочь!!! – выдохнул ему в ухо мужчина с лютой ненавистью, от которой у Романа мгновенно подогнулись колени. – Значит, говоришь, не догадываешься???

– Нет, – уже менее уверенно произнес Баловнев и, отыскав в темноте гостиный диван, направился напрямик к нему. – Не знаю, кто вы. Не знаю, почему я должен спать, пока кто-то еще жив и дышит и...

– Замри, паскуда, – внятно попросил его собеседник, так внятно, что спорить с ним Баловневу тут же расхотелось. – Замри и слушай...

– Я весь внимание и...

– Жить ей осталось дня три, не больше. Так говорят люди, которые знают толк в смерти. И я им верю. А ты уж поверь мне...

В трубке вдруг раздался вполне отчетливый стон, и он явно принадлежал женщине. Мужчина ненадолго затих. Пауза заполнилась звоном посуды и звуком льющейся воды. Потом тот снова заговорил Роману на ухо:

– Слушаешь еще меня, Рома?

– Да, да, я слушаю вас. Нам нужно все-таки разобраться и...

– Разбираться поздно, дорогой. Уже поздно... – Мужчина судорожно вздохнул или всхлипнул, понять, не видя, было трудно. – Просто я звоню, чтобы ты знал. Как только она перестанет дышать, не будешь дышать и ты...

Он повесил трубку, не дав вставить Баловневу ни слова. Недоуменно таращась на светящийся кусок пластмассы в руках, Роман силился понять хоть что-то, но не мог.

Это было чудовищно, неправильно, катастрофически ошибочно, и он мог доказать это хоть сотню, хоть тысячу раз, но... Но его никто не собирался слушать.

Он ткнул пальцем в кнопку, заглушая отчаянный вой зуммера. Поднялся с дивана и побрел в спальню.

Настя спала, широко, по-хозяйски разметавшись на кровати. Ей всегда не хватало места, хотя она и была очень миниатюрной. Она металась во сне, часто всхлипывала, вздыхала и постоянно что-то бормотала.

– Это демоны! – шутила она по утрам, щекоча его шею своими длинными жесткими волосами. – Они раздирают мою душу ночью...

Сейчас эти самые демоны раздирали душу Роману Ивановичу Баловневу, самому удачливому из всех удачливых бизнесменов, хозяину лесов, полей и заводов, обладателю нескольких наград в десяти, а то и более номинациях: от человека года, до самого щедрого мецената и опекуна нескольких детских домов. Пускай не на государственном уровне, но все же...

Все же у него был повод гордиться собой, и не один, между прочим. Был повод считать себя удачливым и счастливым человеком. И еще у него был повод наслаждаться всем тем, что однажды преподнесла ему жизнь в качестве подарка. И наслаждаться ровно столько, сколько отписано ему всевышним.

И что же теперь?! Как же теперь?! Неужели этот хриплый голос, возможно, принадлежащий какому-нибудь бродяге или наркоману, способен погубить его мечту, мечту дожить до глубокой старости и умереть в роскоши?! И неужели правда то, что жить ему осталось совсем недолго? Кажется... Кажется, разговор шел о трех днях, не более. Боже, какой ужас!!!

Роман тяжело опустил на свою половину кровати. Вернул трубку на аппарат. Поднял взгляд к окну, и вот тут-то звуки в его доме и пропали.

Он перестал слышать даже собственное дыхание, даже стук собственного сердца. Полная, страшная, могильная тишина, наполненная жуткими видениями.

Сначала это была пуля...

Крохотный, почти невесомый кусочек свинца. Он летел к нему с крыши соседнего здания. Летел, разрезая тишину ночи страшным свистящим шорохом. Летел, с каждым мгновением делаясь все больше и больше и разрастаясь наконец до размеров огромного снаряда. И весь этот свинец вгрызался с бешеной скоростью в его голову, разрывал его мозг и прекращал плавное безбедное течение его жизни. Просто перечеркивал его и все.

Потом ему виделся нож...

Огромный, сверкающий синевой клинок с тугим скрежетом перерезал ему сонную артерию. Упругие толчки крови из открывшейся раны заливали все вокруг. Он хватал себя за шею, пытаясь зажать артерию, но настырная кровь сводила на нет его усилия. Он падал, смотрел в спину удаляющемуся человеку, и все пытался узнать его. Не удавалось...

Вслед за этим Роману представлялась авария...

Огромный грузовик со страшным трубным ревом на полной скорости въезжает в его пижонистый «Рено». Он крушит, ломает его, подминает под себя. А вместе со сверкающими краской кусками железа этот грузовик подминает под себя и его – Романа. Треск ломающихся костей, фонтаны крови, искореженные конечности...

Бр-рр... Он так точно не хочет. Ни один из трех вариантов он не приемлет. Ему ничто не подходит. Другое дело умереть глубоким старцем в собственной постели. Вокруг него должно быть много народа. Кто подает лекарства, кто взбивает подушки, кто утирает пот с его морщинистого чела. Пускай бы и Настюха. Хотя... Хотя к тому времени она могла и умереть, или поменяться местами с кем-то еще.

А вместо этого ему звонят в три часа ночи, угрожают скорой расправой. И самое страшное во всем этом – он не понимает, за что?! Если это глупый розыгрыш, это еще куда ни шло. А если правда??? Кто может помочь ему в этом случае? Кто?..

Роман Иванович Баловнев был очень умным человеком, человеком, которому не свойственно было питать иллюзии на предмет вынесенного ему приговора. Если кому-то очень хочется, чтобы он умер, он умрет. Ни одна вооруженная до зубов охрана не способна заслонить

приговоренного от пули киллера. Она, пуля, может подстергать его где и когда угодно. Даже в собственном сортире или ванной.

К кому обращаются в таких случаях за помощью люди? К господу богу? К охранным фирмам? В ФСБ?

Надежды на всех них тоже мало. И если в первом случае еще можно на кого-то как-то уповать, питать себя надеждами, то в двух других вряд ли. Там работают такие же люди, как и везде.

Был, правда, еще один человек, который мог бы при желании помочь ему, но... Но звонить ему сейчас нельзя. Может быть, потом, когда-нибудь потом... Вдруг и правда петля вокруг его шеи сожмется настолько, что в глазах потемнеет от страха и предчувствия скорой смерти. Тогда вот точно будет не до церемоний. Тогда можно и позвонить, и попросить, не о помощи, нет, просто попросить совета. Такой, ничего не значащий и не обязывающий ни к чему звонок другу. Если можно было считать его таковым...

– Ромка, ты чего?! – в спину ему уперлась босая ступня его малышки Настеньки, которую он начал обожать и пестовать с первого дня их знакомства.

– А? – Роман встрепнулся, обернулся на нее, поймал в темноте ее вторую ногу и слегка потряс. – Я ничего, а что?

– Да так... Сидишь, согнулся и бормочешь чего-то... Мне и так кошмар приснился, очнулась, а тут ты бормочешь. – Настя подрыгала ногами, обхватила его за талию и потащила на себя. – Давай, давай, укладывайся, до утра еще далеко.

Они забрались под одеяло, хотя в спальне было жарко. Крепко обнялись, и спустя минуту Настя снова задремала. Прижимая к себе ее горячее, разомлевшее во сне тело, слушая ее неровное дыхание, Роман начал мало-помалу успокаиваться.

Чушь это все! Дурацкая игра дурацкого актера. Сидит какой-нибудь чудака у себя в квартире. У него бессонница. Он и начинает развлекать себя подобным образом. Как в анекдоте про студентов и профессора, которому звонили ночами и задавали почти такой же вопрос, сопровождая его грустным объяснением про то, что им приходится учить, им не до сна, пока профессор отдыхает...

Надо выспаться. Надо отдохнуть. Предстоящие дни обещают напряженную скачку по областям и регионам. Десятки встреч, еще больше контрактов, с которыми надо покончить до конца месяца. А потом они с Настюхой уедут куда-нибудь. Уедут непременно. Он заслужил отдых и себе, и ей. Она, правда, пока об этом не знает. Решение к нему пришло само собой только что. Раньше у них не было модным отдыхать вместе. Теперь все будет по-другому. Теперь, когда это может в один прекрасный момент вдруг закончиться...

Глава 4

Рита недоумевала и радовалась одновременно.

Недоумевала тому, что происходящее этим вечером между хозяином и его другом мало напоминало теплые дружеские отношения. Они постоянно о чем-то спорили, сталкиваясь на мелочах. Сердились друг на друга. В один момент дело едва не дошло до рукоприкладства. Вовремя томная Ванда повисла на бугристом плече Николаши, и засюсюкала что-то отвратительно приторное. Кстати, инициатива мордобоя исходила только от Николаши, Кораблев выглядел на редкость мирным.

Рита недоумевала все то время, что они цапались.

Стоило ли тогда приглашать в гости своего друга с подругами, когда уготовил ему такой вот прием. Начиналось-то все не так. Начиналось все много радужнее. Что же могло произойти между давними друзьями, пока она отдыхала в своей крохотной комнатке после головокружительных поцелуев Кораблева. Голова кружилась именно у Кораблева, Маргарите удалось сохранить полное самообладание. Так вот, пока она отдыхала, переодевалась к ужину, эти двое занялись шашлыком и успели в пух и прах разругаться. При этом в их сумбурном споре очень часто упоминалось имя какой-то Сони. Кто такая была эта Соня, Риту не интересовало. Ее больше интересовал и не мог не радовать тот факт, что персона дамы, напросившейся с ними в гости третьей, была предана забвению. Не из ревности, нет, из простой вредности радовалась.

Зиночка откровенно скучала, поскольку не получала того внимания, на которое привыкла рассчитывать. Ванда то и дело хмурила совершенное чело и нервно накручивала на пальчик платиновые прядки. Николаша ее сердился, стало быть, и ей нечему было радоваться.

Кораблев выглядел расстроенным, растерянным и то и дело бросал умоляющие взгляды на Маргариту. Та прикидывалась непонимающей и лишь кротко улыбалась ему в ответ. Хотя не могла не признать, что такого прекрасного вечера она от судьбы не могла и ждать.

Все было непредсказуемо, неординарно, волнующе и многообещающе.

Пусть сильнее грянет буря! Хотелось захохотать ей во все горло. Пусть разразится она над этим чужеродным ландшафтом. Всколыхнет высокую траву на лугу и заставит пруд заходить высокими сизыми волнами. Пусть заставит сжаться от нехорошего предчувствия этих рафинированных красавиц, пусть спутает их мысли и испугает их.

Пушай все это будет, пушай...

– Слушайте, Коля, – вдруг прозвенел под сводами террасы, где они все ужинали, напряженный голосок Зиночки. – А вот эти чудные цветы вам привозили уже рассадой или вы самостоятельно высевали их прямо в грунт?

Николаша, к этому моменту успевший сунуть в рот огромный кусок сочной баранины, замер с раздувшимися от мяса щеками. С изумлением посмотрел на Зиночку, потом на Ванду, снизошел до Эдика и снова вернул изумленный взгляд Зинаиде.

– Так что, Коля, с цветами?

Коля принялся быстро жевать. Поперхнулся, разумеется. Начал натужно кашлять, багровея лицом, запивать свой кашель пивом. Подставлять лопатки Ванде. Та охотно шлепала его изящными ладошками по спине и одобрительно поглядывала на Зину. Коля наконец прокашлялся, все проглотил, запил и заговорил долго и пространно на тему сельского хозяйства. Зиночка восторженно ахала и закатывала прекрасные очи. Ей вторила Ванда. И через десять минут подключился Кораблев.

Все, ситуацию разрулила Зина. Далее пошло все по-протоальному чинно и без напряжения. Еще через полчаса все собрались играть в карты, и Рита начала притворно зевать.

– Ритуль, ну ты чего? – Кораблев не сводил с нее умоляющего взгляда. – Давай партию сыграем и уж тогда...

Ага! Как же! Станет она сидеть между ними и наблюдать за тем, как мостит себе дорогу в его направлении Зинаида. Нет уж, избавьте от такого удовольствия. Ей теперь скучно с ними. Теперь, когда дамы обрели наконец уверенность в себе и принялись наперебой щелкать золочеными клювиками, а их мужчины, вернув утраченную на время солидность, стали обсуждать биржевые котировки...

– Спасибо. – Она вежливо улыбнулась, кивнула хозяевам и начала выбираться из-за стола.

– Спасибо да или спасибо нет? – Зина, конечно же, правильно поняла ее нежелание участвовать в фарсе.

– Спасибо, нет, – Рита как раз проходила мимо нее и не удержалась от детской шалости, дернула ее за волосы. – Спокойной вам всем ночи, господа.

И она ушла. А наутро, еще когда все обитатели дома спали, она уехала.

Быстренько собрала свои вещи. Тихо вышла на крыльцо. Кивнула молчаливому охраннику. И ушла в сторону шлагбаума. Непременно кто-нибудь да поедет в город. Ее обязательно кто-нибудь подвезет.

Ей повезло. Через пять минут после того, как она вышла к оврагу, на дороге показался старенький «москвичок», по самую крышу груженный ящиками с огурцами.

– Кому стоим, чего ждем? – водитель, седой дядька с натруженными руками и хитрым взглядом распахнул дверь со стороны пассажира. – Садитесь, барышня. Так рано никто больше не поедет. Уж извините, не «Кадиллак», но зато бесплатно. В город?

– В город, – кивнула Рита, усаживаясь в машину. – А вы на рынок?

– На рынок. Сейчас самое время.

Мужик завел машину, и они медленно поехали. Сначала оврагом, потом лесом, затем вырулили на шоссе. Почти всю дорогу ее благодетель помалкивал, изредка бросая на нее косые взгляды. Уже почти перед самым городом не выдержал, спросил:

– А ты к кому сюда приезжала-то? Я из старожилов, каждый дом почти на моих глазах возводился. И если кого не знаю по имени, то уж в лицо помню точно. Память у меня будь здоров! Я даже свои огурцы по пупырышкам различаю.

Рита посмеялась его шутке и, не ломаясь, рассказала о визите в дом к Николаше. Про пруд, катание на лодке и прогулку по лугу, про шашлыки тоже рассказала, опустив хозяйский спор с гостем.

– Неплохо было, – закончила Рита на оптимистичной волне.

– Ага, то-то ты, я погляжу, чуть свет сматываешься, – не поверил ей дачник. – Обидели, что ли?

– Да не то чтобы обидели, просто... Просто лишняя я там. Привезли, а зачем?.. – Ей сейчас и в самом деле стало так казаться. – Ушла спать раньше всех. Они в карты еще играли. А утром решила уехать.

– Ну, уехать-то небось еще с вечера решила. И вещи собрала тогда же. Стала бы ты утром гроыхать, – резонно заметил мужик, сворачивая к заправке. – Я сейчас немного залью, ты посиди пока. А потом я тебе про Кольку-то этого непутевого историю одну расскажу. Ты, между прочим, молодец, что удрала оттуда...

Его история не могла похвастать оригинальностью. Николаша, как и многие из его сверстников, начинал с красных пиджаков. Потом по уши увяз в криминале и неоднократно привлекался, но почти всегда выходил сухим из воды. Почти...

– Был один случай с девушкой тут одной, – задумчиво произнес мужчина. – Красивая была девушка.

– Была?!

– Да, была. Утопла она в пруду. В его пруду и утопла. Он же, говнюк этот, и пруд купил, и ельник, что за ним. Конезавод, говорят, собрался возводить. Какой ему конезавод, коли он

самый главный конь и есть!!! Конь в пальто! – Он смачно выругался и, не позаботившись извиниться, продолжил: – Это уже прилично времени-то прошло. Сколько, точно не помню, врать не буду, но этой его Ванны еще не было.

– Ванды... Вы хотели сказать, Ванды? – поправила его Рита с улыбкой.

– Ванды, Ванны, какая разница. Не было ее тут. Она много позже появилась. Когда Кольку уже и по милициям, и по судам оттащали. Он тут затих! Затих так, что я его даже проезжающим на машине не видел. Нырнет в дом, и нету его. А потом эта его белобрысая проститутка появилась. И что за мода такая: как белая девка, так проститутка непременно!

Рита могла бы возразить, что среди представительниц древнейшей профессии встречаются и брюнетки, и шатенки, но не стала, успев попутно позлорадствовать и в адрес Зинаиды.

– Так вот, Соню-то Колька любил. Любил и баловал. То одну машину ей купит, то другую. Нарядов было тьма. И тут вдруг словно кошка между ними пробежала. Начали собачиться, причем даже на людях. В магазин местный зайдут, крысятя. На улицу выйдут гулять, брешут. По пруду в лодке – опять скандал.

– А это вы откуда знаете?!

– Так у меня огород с теплицей смотрят аккурат на Колькины владения. Ну, и иногда я вижу, слышу. Они особо и не прятались. Ну, и у нас, у дачников, какие тут еще развлечения? Полгода в земле ковыряемся, чего же не полюбопытничать, – не стеснясь, пояснил мужик. – Они на пруд, я в огород. Они в ельник, я...

– Вы за ними следили?! – ахнула Рита, инстинктивно отодвигаясь от него ближе к дверце.

– Ну... Скрывать не стану, иногда и приглядывал. Только вот не углядел, когда Соня эта в пруду утопла. Думаю, что помогли ей утонуть-то. – Мужик глянул на Риту печально. – Плакала она перед этим в ельнике-то. Сильно плакала и по коленочкам себя кулаками все стучала. И еще все время приговаривала: ненавижу, ненавижу...

– Кого же? – Рита невольно заинтересовалась и снова пододвинулась ближе к дачнику. – Николашу?

– А то кого же! А тот парень ее все утешал, все утешал... Тебя где посадить-то, барышня? – Мужик затормозил у пивного ларька, венчавшего вход на рынок. – Хочешь, дальше провезу.

– Нет, нет, спасибо! Я доеду автобусом. – Рита опустила ноги на землю, слезла с сиденья, вытащила сумку и, перед тем как захлопнуть дверь «Москвича», опомнившись, спросила. – А что за парень-то ее утешал? Это я про Соню... Кто же ее утешал в тот день?

– А-а, заинтересовала, стало быть, тебя история моя. – Дачник хитро прищурил глаза, почти спрятав их в глубоких морщинах.

– Ну да... Конечно, интересно...

– А утешал-то ее, барышня, тот самый парень, с которым ты целовалась в ельнике, так-то! Ну, бывай!

Хитрый мужик проехал на своей машине под рыночной вывеской и вскоре скрылся из виду за широкими прилавками.

Рита еще долгих десять минут продолжала стоять и таращиться ему в след.

Вот так так...

Вот это хитрец! Все выведал, обо всем расспросил: у кого гостила, с кем приехала, а сам... А сам вчера подглядывал, как она целовалась с Кораблевым.

Гадость какая!..

Ей удалось встряхнуться лишь тогда, когда на пивном ларьке загромыхали металлические жалюзи. Застекленное окошко распахнулось, и оттуда вынырнула заспанная физиономия толстой тетки в клетчатом платке.

– Налить, что ли? – хмуро поинтересовалась она, неприязненно оглядев Риту с головы до ног.

– Чего налить?

– Пива, чего же еще! – пробасила тетка, схватила с подноса пивную кружку и принялась вытирать ее грязно-серым полотенцем.

– Нет, конечно же! Не надо! – Рита отшатнулась.

– Чего тогда торчишь тут, проваливай, не пугай мне клиентуру...

Клиентура – такая же заспанная и грязно-серая, как сама продавщица и ее полотенце, уже начала понемногу стекаться к благословенному месту. Рита поспешила убраться.

Она благополучно доехала до своей остановки в полупустом автобусе. Зашла в только что открывшуюся булочную. Купила горячих ванильных булок, усыпанных сахарной пудрой, и помчалась домой.

Первым делом – чайник на плиту. Распахнуть все форточки. Позвонить Аньке и доложить о том, что вернулась. Разговаривать некогда, очень хочется кофе с булочками. «Да, да, с ванильными. Ну да, еще не остыли. А если она начнет приставать, то остынут непременно...»

Огромная кружка кофе с молоком дымилась на столе. Рядышком – плетеная корзинка с булочками. В бабкиной глиняной масленке кусок подтаявшего масла.

Рита разрежала булочку вдоль, клала на рыхлую пахучую поверхность кусочек масла и наблюдала за тем, как оно быстро исчезает в ноздреватых сдобных глубинах. Потом она с удовольствием откусывала, неторопливо жевала. Зажмурившись, отхлебывала сладкий горячий кофе с молоком, и, проглотив, повторяла все сначала.

Хорошо...

В одиночестве тоже есть свои преимущества. Их можно найти, если постараться. Никто не зудит над ухом, не требует выпрямить спину или убрать локти со стола. Никто не берет под сомнение ее вкусы. Никто не оспаривает права сидеть и таращиться в окно на пробуждающийся воскресный город. Никто не мешает смотреть и думать...

Рита хмыкнула собственному лукавству. Ведь проняло же, да как проняло!

Соня, стало быть... Прекрасная девушка Соня, предшественница Ванды. Любимая женщина Николаши, которую с какой-то стати утешал в ельнике Кораблев Эдик. И в этот самый ельник он потом привел и ее – Риту. Утешать не утешал, но целовал долго и страстно. Так долго, что у нее даже в горле пересохло. Потом весь вечер он с Николашей ссорился, и камнем преткновения была все та же девушка Соня, ныне покойная. Если бы не Зиновья, неизвестно, чем бы еще все это дело закончилось. Но Зиновья – умница, красавица – вовремя влезла и все правильно расставила по своим местам. А почему? А потому что она, оказывается, давно и безнадежно любит Кораблева. А он – мерзавец – об этом почему-то даже не догадывается. И ее якобы видит если не в первый, то по пальцам можно пересчитать, в какой раз. А Зиновья взглядов его не разделяет. Он – ее любви, а она его взглядов. Он почему-то тяготеет больше к тому, чтобы целоваться с рыжеволосыми циничными барышнями на том самом месте, на котором утешал...

На колу, что называется, висит мочало, начинаем все сначала.

Замкнутый круг получается. Совершенно замкнутый круг, если не сказать – порочный.

А почему не сказать? Страсть Кораблева к Маргарите Жуковой разве не порочна? Очевидно же, что чувствами там и не пахнет... Что тогда там присутствует, как не какой-то порочный интерес!

Страсть Зины к Кораблеву – это разве можно расценить как не порок?

Что-то Маргарите подсказывает, что в квартире напротив Зинаида появилась не случайно. Возможен такой факт, что она преследовала бедного парня и все поджидала удачного случая для знакомства? Почему нет! Конечно же, возможен...

Что же в Эдике такого? Чем он мог заинтересовать такую шикарную алчную девушку, как Зина? В том, что девушка корыстна, Рита ни минуты не сомневалась. Такие, как она, про рай в шалаше никогда не слышали и слышать не пожелают. Чем тогда прельстил ее Кораблев?

Спортивной машиной? Вряд ли... Двухкомнатной квартирой, в которой он поселился после Пироговых? Это вообще дурь сплошная.

Кстати о Пироговых!..

Рита неспешно допила свой кофе. Доела булочку. Убрала масло в холодильник, плетенку накрыла чистым полотенцем, смахнула крошки со стола и побрела в свою пустую гостиную со скрипучим бабкиным диваном. Она плюхнулась на него с удовольствием, почти успев соскучиться по его безжалостным пружинам, жадно впивающимся в спину. Потянулась к телефону и на память набрала новый номер Пироговых.

Ей его наговорила не так давно по телефону Пирогова-мама, когда Пирогов-папа яростным шепотом подсказывал ей в трубку, чтобы она позвала Риту в гости на новоселье. Риту пригласили, но она не пошла. Там наверняка был их сын, который бы увязался ее провожать и стопудово полез бы целоваться. Ну его...

Пироговы не отвечали. Оно и понятно, воскресный день. На улице жара. Кому взбредет в голову сидеть в четырех стенах, кроме нее самой.

Ладно, придется обходиться без их помощи.

Рита вышла на балкон. Перегнулась через перила и посмотрела вниз. Ничего не видно. Широкие лапы старых елей превосходно скрывали подъездный козырек, скамеечку под ним и глазастых старушек. Их невозможно было вытравить с этой скамейки ни лютыми морозами, ни проливным дождем, ни полуденным зноем. Они сидели под козырьком, как трухлявые сыроежки под березой, меняя в зависимости от времени года и условий подстилки на скамейке под своими огромными, раскатанными временем задами.

Утешившись тем, что ее никто и ни за что не увидит, Рита подошла к бетонной перегородке, разделяющей ее и соседский балконы. Занесла правую руку на чужую территорию и ухватила за большой металлический штырь, вбитый Пироговым-папой для сушки веников. Штырь был надежным и легко выдержал Пирогова-сына, когда однажды ему пришлось открывать ее захлопнувшуюся без ключа дверь.

Через перила Рита перемахнула без страха и сожаления. Открыла едва прикрытую балконную дверь, вошла в чужую квартиру, и вот тут-то на нее и навалились и страх, и сожаление.

Что она такое вытворяет?! Что позволяет себе?! Разве забыла, что здесь давно уже не живут люди, пытавшиеся стать ей друзьями! Здесь живет совершенно чужой человек. Чужой, незнакомый, со своими тайнами и тараканами в голове. А она проникла на чужую территорию и...

Рита все же вошла. Сказала «А», нужно непременно выговорить и «Б». Коли влезла на балкон, было бы глупо возвращаться, не побывав в квартире.

Спальня пустовала. Абсолютно никакой мебели. Единственным украшением ее служил обширный гардероб Эдика, нанизанный на длинные штыри, укрепленные по стенам. Каждый костюм, сорочка, джинсы – все было запеленуто в дорогие пластиковые чехлы на молниях. Вся обувь была рассована по коробкам, их Рита насчитала более двух десятков. В гостевой комнате, как именовали ее прежние жильцы, было много лучше. Огромный плазменный телевизор, акустическая система, большой диван с креслами, стеклянный столик на гнутых чугунных ножках, и даже портьеры на окнах имелись. И еще стеллажи. Много, почти вся стена была занята ими. На полках: книги, диски, кассеты, надорванные конверты. Стопкой журналы, глиняные безделушки и снова книги, книги...

Надорванные конверты Рита просмотрела все до единого. И что странно, не испытав при этом никаких угрызений совести.

Это была сплошь деловая переписка. Как она небезосновательно полагала теперь, Кораблев служил юристом в одной из солидных контор, занимающейся грузоперевозками. Журналы и книги стали подтверждением ее догадок. Сплошь юриспруденция, автотранспорт, трафики, атласы автомобильных дорог. И ни одного, ни единого клочка фотографий! На какие семейные

фотоальбомы можно рассчитывать, коли нигде не видно ни одного запечатленного временем момента?!

Кораблев в роддоме, в пеленках, разумеется. Кораблев идет в первый класс. Кораблев на выпускном вечере. Поступление в институт. Защита диплома. Где все это?!

Рита ерзала по полкам. Перетряхивала каждую журнальную или книжную страницу. Заглядывала внутрь глиняных монстров и вазочек, может быть, там хоть что-то есть. Ни-че-го... Ни единого намека на то, что у человека когда-то было прошлое или имелись родители, к примеру.

– Странно, Эдик! – вспыхнула она, остановившись у телевизора и рассматривая свое отражение в его спящей матовой поверхности. – Не находишь?..

Рита прошла по другим помещениям, но ни в кухне, где царила образцовая чистота, ни в ванной, ни в туалете или в прихожей – ни единого упоминания о прошлых прожитых днях.

– Так не бывает! – вспыхнула она, снова оказавшись в спальне с намерением вернуться к себе. – Ну хотя бы одна, самая малюсенькая, банальная пластиковая рамочка с тобой улыбающимся или с мамой. Ведь нет ничего же!..

Ее взгляд метнулся к костюмам. Карманы! Вот то, чего еще не коснулась ее рука. Нужно осмотреть карманы. Может быть, там у Эдика есть то, что способно ее хоть немного успокоить. И Рита принялась рыться в его одежде.

Через полчаса не осталось ни одного пиджака, ни единой рубашки, ни одного ботинка, которые бы она не помяла, не потрясла и не заглянула внутрь.

Все было бесполезно. Если у Эдика и имелась личная жизнь, то она была сокрыта под глубоким неприкосновенным покровом и хранилась наверняка не здесь.

– А как же Соня, Эдик?! – плаксиво воскликнула Рита, сдувая с потного лба прилипшую прядь волос. – Где же воспоминания о ней?!

Она потопталась у балконной двери и совсем уже было собралась перелезть к себе домой, как снова вернулась к его пиджакам и костюмам. Остались не осмотренными стены. Как же она могла убраться отсюда, не подвергнув тщательному осмотру стены?! Обои в мелкий кленовый листочек, наклеенные еще Пироговыми, были совсем свежими и даже не успели выгореть от времени и солнца. Хотя, какое там солнце, когда елки почти лежат на подоконниках...

Она садилась на корточки, пробиралась на манер хорошо обученной обезьянки под каждый крюк, унизанный его вещами, и, ухватившись за чехлы снизу, внимательно оглядывала поверхность стены.

Нигде и ничего. Но в одном месте на глаза ей вдруг что-то попало. Но это «что-то» было почти у самого плеча висевшего пиджака, так что Маргарите пришлось выбирать из-под шуршащих пакетов, сдвигать в сторону вешалки и внимательно изучать надпись.

Изучила! Изучила на свою голову, что называется!..

«Ритка, дура чертова!» – было написано мелким почерком Пирогова-сына. Написано в том самом месте, где прежде у Пироговых висел ковер. – «Неужели ты ничего не понимаешь?! Я же люблю тебя!!!»

Она вылетела из квартиры Кораблева теперь уже пулей. Не помня себя, перемахнула через перила. Ворвалась в свою гостиную. Рухнула на диван так, что тот едва не сложился пополам. Стиснула руки на груди и зло нахмурилась.

Чувство было такое, будто она заглянула в замочную скважину и увидела что-то такое, после чего на душе вдруг сделалось стыдно и пакостно.

Наверняка Пирогов-сын написал это какой-нибудь глухой ночью втайне от папы с мамой. Страдал и корябал черным маркером, прикрываясь ковром. И никто не узнал об этом до тех пор, пока этот ковер не сняли и не вынесли из дома. И... до тех пор, пока туда не въехал новый жилец.

О, черт!!!

Вот он, ответ на вопрос, чем вызван интерес Эдика Кораблева! Вот оно и объяснение! Заинтригованный объяснением человека, с которым, возможно, обсуждал условия купли-продажи квартиры, он решил попробовать на соседке свои собственные чары. Вряд ли он решил, что упомянутая в послании Рита – это совсем другая девушка...

Ну, а Пирогов-то каков! То на руках ее с первого на четвертый этаж тащит, то в кино зовет или на чай, то целоваться лезет, но чтобы хоть раз намекнуть...

– Анька! – напряженным нервам Маргариты требовался психоаналитик, и, решив, что эту роль может взвалить на себя и сестра, она ей позвонила. – Ты и не представляешь!!!

И она ей все рассказала. В подробностях рассказала. И про ссору Кораблева с Николашей, и про свое утреннее бегство, и про хитрого дачника с его подсмотренной историей. Потом она плавно перешла к несанкционированному проникновению на чужую территорию и, пропустив мимо ушей сдавленный вскрик Анны, поведала об обнаруженном любовном послании.

– Разве я могла подумать, что у него ко мне такое серьезное чувство! – захлебываясь эмоциями, восклицала Рита. – Что же мне теперь делать?

– Ну, я не знаю... – медленно начала Анна, а потом разошлась, разошлась, сорвалась на крик, и под конец даже заплакала. – Возьми, например, и слезай на балкон в новый дом к Пироговым. Может быть, он там вообще все стены исписал. Только, по моим сведениям, они теперь на восьмом этаже живут. Тебе это как, не слабо? На четвертом ты по перилам научилась ходить, а на восьмом?... Дура! Господи, какая же ты дура, Ритка! И когда ты только поумнеешь!.. Я так переживаю за тебя, ночей не сплю. Все думаю, думаю, думаю. Как ты там жива-здоровая, сыта ли, счастлива... А она, оказывается, форточницей заделаться решила! Вот что мне теперь со всем этим дерьмом делать, скажи?!

Заплавав, Анна положила трубку.

Сейчас Адик кинется ее утешать, гладить по плечам и прижимать к себе. Потом они уже вместе начнут ругать ее. И говорить о том, что ей бы давно пора поумнеть, давно пора выйти замуж и заиметь детей. И надо бы зажить наконец, как все нормальные люди.

Но беда в том, что Маргарита Николаевна Жукова не была нормальной в общепринятом понятии этого слова. Она была очень любознательной, очень! Иногда ей это помогало, иногда наоборот. Но чаще всего это ее просто развлекало.

Ей ничего не стоило, к примеру, выйти следом за молодой парочкой из автобуса и пройти за ними пару-тройку кварталов. Послушать их разговор и немного понаблюдать и удостовериться, что история, которую она придумала про них, наблюдая за ними в автобусе, совершенно идентична их настоящей. И что Он в самом деле любит ее немного меньше, чем Она. И что всячески на сегодняшний вечер старается от Нее отделаться, и наверняка потому, что где-то его ждет кто-то третий...

Таких историй Рита могла насочинять за время пути с работы до дома уйму. И про женщину, что тащила за руку упирающегося внука с портфелем. И про печального старика, замерзшего на скамейке в сквере. И про девчонок, что шушукались у кассового аппарата в супермаркете. И даже про кассиршу, что пробивала ей чек. Про всех... кроме самой себя. А теперь вот еще и про Кораблева.

Что-то было с ним не так. Что-то было неправильно. Она не могла этого понять и потому не сумела придумать его историю. А тут еще с пути истинного сбивали эти несколько слов, написанные на стене отчаявшимся без взаимности Пироговым-сыном. Серегой его звали, кстати, Пирогова-сына-то. Серегой...

Вот его история у Риты была всегда наготове. Серега непременно женится, непременно родит детей. И они станут летом все вместе ездить на дачу и сажать там огурцы. А если и не станут ничего сажать, то ездить непременно будут. И еще будут жарить там шашлыки и кипятить пахучий чай прямо на костре в каком-нибудь закопченном старом чайнике. И под этот чай – слушать соловьев и обнимать друг друга. Это Серегина история, придуманная для

него Ритой. Потому что Серега был нормальным, в понимании ее сестры Анны, человеком. С нормальными запросами и нормальными потребностями. Не то что она, Рита...

Она вдруг очнулась и снова начала набирать новый телефонный номер Пироговых. Ей снова никто не ответил. Да, все правильно. Они все как раз на той самой даче, где вкусно пахнет жареным на углях мясом и заваренным смородиновым листом чаем. А она сидит на старом бабкином диване, который был продавлен еще в прошлом столетии, но все еще продолжает стелать своими истерзанными пружинами и пытается придумать историю и про Кораблева. И у нее ничего не выходит, и она от этого злится.

– Ничего! – вдруг выпалила Рита в пустоту гулкой бабкиной гостиной. – У меня еще появится для тебя время, Эдик! И уже через неделю-другую твоя история будет готова...

Глава 5

– Ромочка, тебе чай, кофе? – Настена повернула к нему от кофеварки заспанное неумытое лицо и улыбнулась, заведомо уверенная в том, что он простит ей и неопрятный после ночи вид, и темные полукружья под глазами, и даже изрядно помятую пижаму.

– Мне? – Баловневу очень хотелось бы выпить чаю, крепкого, без сахара, забеленного густыми жирными сливками, но он не мог, поэтому с благодушной улыбкой пробормотал: – Конечно, кофе, дорогая.

«Дорогая» плеснула ему в чашку кофе, всыпала три ложки сахара, от чего он тут же сморщился. Мало того, что кофе она готовила дрянной, так еще и сахар. Но чего не вытерпишь ради женщины, которая ужасно нравилась и с которой намеревался прожить...

Стоп! Жить ему осталось, по прогнозам, три дня. И если этот ночной звонок не бред и не блеф, нужно что-то делать. Как-то обезопасить себя, что ли.

Три дня, три дня... Это не много и не мало. Это целых семьдесят два часа, которые можно потратить во благо, нанять детектива, к примеру, или спрятаться где-нибудь. А как же тогда бизнес?

Баловнев утопил свой тяжелый вздох в кружке с кофе, отхлебнул приторной бурды, еле заметно сморщился и тут же засобирався.

– Пообедаем вместе? – Настя почти с мольбой посмотрела на него, резким движением заправила волосы за ухо, и снова попросила: – Ром, пообедаем?

Он не мог. Никак не мог. С часу дня до шести вечера его не должно было быть в городе. Запланированную поездку никак нельзя переносить, от этой встречи зависел успех миллионной операции. Но Настя... Когда она вот так вот смотрела на него, он не мог ей отказать.

– Хорошо, милая. Только давай мы наш обед сместим немного. В час дня я должен уехать, вернусь только вечером. Тебя устроит полдень?

Роман подошел к жене, обнял за талию и прижал ее взлохмаченную головку к своей груди. Он слушал запах ее духов, смешанный с неповторимо пряным ароматом Настинного тела, втягивал его в себя снова и снова и с ужасом думал о том, что будет с ней, если его вдруг не станет. Она же... она же такая хрупкая, такая ранимая и совсем-совсем не приспособленная к жизни. Вон даже кофе приготовить нормальный не может, что уж говорить о кашах и борщах. Ее незаконченное высшее, его налаженный бизнес, десятки кредиторов и дебиторов, закладные, договора... Это все сомнет ее в одночасье. Сомнет, уничтожит, погребет под обломками как его рухнувшего бизнеса, так и ее исковерканной жизни.

Нет, он должен жить. Должен! Хотя бы ради нее, хотя бы ради того дела, которому было посвящено не только его личное время.

– Что мне надеть к обеду, дорогой?

Настя зашлепала крохотными ступнями за ним следом в холл.

Она терпеть не могла обуваться дома, почти всегда ходила босиком. Босиком и в шортах, открывающих ее потрясающе стройные ноги и часть упругой маленькой попки. На улицу она могла пойти в том же, в чем ходила и дома. Нет, иногда могла заменить короткие шорты на спортивные штаны или вытертые до белесости джинсы.

Сколько Роман ее знал, столько поражался полному отсутствию у нее вкуса и совершенному нежеланию облачаться в строгие вечерние наряды. Настя была уже рождена тинейджером, и переделать ее не могли никакие деньги или положение. Поэтому ему и приходилось ее контролировать в выборе нарядов.

– Надень тот костюм, что я привез тебе неделю назад. – Роман взял в руки свой портфель и приоткрыл тяжелую входную дверь. – И легкие шлепанцы на высоком каблуке.

– Это которые? – Настя тесно к нему прильнула и занималась теперь тем, что накручивала на пуговицу его пиджака тоненькую прядку своих волос.

– Это те самые, милая. Те, что я привез тебе вместе с костюмом. – Роман рванул к выходу, и Настя тут же взвыла. – Девочка моя! Ну что ты делаешь?!

– Я не хочу, чтобы ты уходил! – Ее губы дрогнули и поползли в сторону, а глаза наполнились самыми настоящими слезами, и она вдруг с чего-то всхлипнула. – Не хочу! Не хочу!!!

Это было что-то новенькое, и Роману мгновенно сделалось не по себе. Он снова прикрыл дверь. Повернулся к жене и, отцепив от своей пуговицы ее волосы, привлек Настю к груди.

– Ну что это за сырость, Настюха?! Ну что ты? – Он гладил ее по голове и целовал, прижимая к себе тесно, и снова целовал. – Ты чего расклеилась?

– Ты снова уезжаешь! А я снова одна! – И тут Настя заревела уже по-настоящему. – Ты где-то ездишь все время! А я одна! А я так хочу быть все время с тобой. Ты такой хороший стал, Ромочка! Раньше у нас было столько проблем...

– Ну, так то раньше!

– А теперь, когда все стало так хорошо, я стала бояться. – Настя вцепилась в его плечи, стиснув ткань пиджака до белизны в костяшках пальцев.

– Чего, глупенькая? Ну, чего? – Роман старался весело хмыкнуть, но на душе у него стало еще более скверно.

– Что однажды ты уйдешь и не вернешься! – Настя горестно всхлипнула, вытерла вспотевшей ладошкой мокрое от слез лицо и потянулась губами к его губам. – Ромка! Поцелуй меня, мерзавец! Поцелуй и пообещай, что мы все время будем вместе! Всегда! И в радости, и в горе, Ромочка, ладно?!

Он со вздохом прильнул к ней и целовал так долго и жадно, что у него у самого заболели губы. Тяжело дыша, он оторвался от нее и с болезненной алчностью оглядел ее всю с ног до головы.

Всклопоченные волосы, мокрые щеки, припухшие со сна и от слез глаза, пухлые яркие губы... Господи! Как же ему это было все дорого! Он не знал этого за собой прежде. Вернее, не подозревал, что может так глубоко и сильно чувствовать. А теперь... А теперь, когда узнал, ему стало до болезненных спазмов в груди страшно со всем этим расставаться...

– Настюха, а я ведь... я ведь так люблю тебя, малыш! – прошептал он вдруг с каким-то непередаваемым изумлением первооткрывателя.

– Это славно, Ромочка! – воскликнула она и тут же улыбнулась. – А то сон этот дурацкий! Думала, не проснусь!

– Что за сон? – Он встал перед большим зеркалом, поправил галстук и одернул на себе пиджак. – Ночью нужно спать, милая, а не сны смотреть.

Настя снова прильнула к нему сзади и, протиснув руки под его локтями, крепко обняла, забубнив ему в спину:

– Страшный сон, Ромочка! Будто бы твоя машина взлетает на воздух. Такой взрыв, бабах! Огонь, много огня... Так горячо, страшно. Стекла лопаются от огня, режут лицо.

– Кому режут лицо?! – У него просто сел голос от того страшного, что нашептывала ему в спину его жена.

– Ну... Я не знаю.. Просто больно было, и все...

Кажется, он ушел, даже не простившись и не поцеловав ее больше. Повернулся и на негнувшихся ногах вышел из дома. И Настя, кажется, что-то еще говорила ему в след и просила о чем-то. Он уже не способен был слышать. Шел по дорожке, выложенной тротуарной плиткой к воротам, где ждала его машина с водителем, и все.

Нет, еще он очень четко способен был видеть все, что его сейчас окружало.

Сад...

Его великолепный сад, что-то с ним без него станет?..

Живая изгородь из белых кустовых роз, шелковистая трава, по которой Настя любила носиться босиком. Дубовые скамеечки, два фонтана. Выложенный речным камнем ручей, выбивающийся будто бы из земли, на самом-то деле искусная работа мастеров ландшафта.

Все скошено, подстрижено, привито, прикормлено...

Ничего лишнего, ничего ненужного. Даже птицы в его саду селились сплошь благородные. Ни воробьев, ни галок или ворон. Щелкал по весне соловей, да разрезали воздух стремительные ласточки. Все чинно, престижно, пристойно. Какие там еще существовали слова, определяющие его статус и положение? Стабильно? А вот тут-то как раз все и сбивалось. Еще вчера он думал именно так, а сегодня...

– Куда, Роман Иванович? – Водитель, хороший плечистый парень из бывшей местной шпаны, но не менее надежный от этого, потянулся к ключам в замке зажигания.

Словно во сне, Баловнев наблюдал за тем, как тянется его прокуренная заскорузлая щепоть к блестящей головке ключа, опоясанной пластмассой под янтарь. Сейчас... Сейчас... Сейчас... Сейчас он повернет ключ в замке зажигания, и все!.. Все взлетит на воздух к чертовой матери. И машина, и водитель, и сам он со своей непрожитой на полную катушку жизнью.

Так, нужно остановиться! Нужно успокоиться и попытаться мыслить логически.

Сейчас его машина ну никак не могла взлететь на воздух, потому что Вадик – так звали его водителя – выгнал ее из гаража, то есть успел ее завести и заглушить. Посторонних в их гараже нет и быть не могло. Территория его двора и сам дом находились под охраной камер внешнего и внутреннего наблюдения и здорового охранника в домике у задних ворот. Передние – более широкие и нарядные – выходили на оживленную городскую площадь. Проникнуть на территорию и не привлечь к себе внимания горожан было невозможно. Ну, и сам факт того, что Вадик уже успел завести машину и остаться-таки в живых, не мог не настроить на позитивный лад.

– Давай, Вадим, в офис, – распорядился успокоившийся Роман и полез в портфель за бумагами.

Мотор послушно заурчал. Машина, безропотно подчинясь навыкам умелого шофера, выехала за ворота и покатила по улицам их города.

Все чушь! Вздор! Бредни сумасшедшего!

Он не станет идти на поводу у неврастеника, страдающего бессонницей. И думать об этом больше не станет.

Роман расслабленно откинулся на сиденье, поерзал узлом галстука над верхней пуговицей сорочки и почти тут же забыл обо всем, занявшись изучением бумаг...

Он так замотался, так заработался, что почти забыл об обещании, данном Насте. Опомнился лишь, когда она сердито засопела на него в телефонную трубку.

– У, противный, – забубнила она непередаваемо очаровательным баском. – Сам обещал и забыл. Противный ты, противный...

– Все, малыш, – Роман покаянно приложил руку к груди, словно Настя могла его видеть. – Одна нога здесь, а другая уже там. Дай мне десять минут.

– Пришли за мной Вадика. Я совсем не умею ходить на этих дурацких шпильках. Хотя... Хотя поезжай с ним сразу к ресторану, я подъеду на такси. Все, целую! Жди!..

Она была очень отходчива, его Настюха. Отходчива и незлопамятна. Могла надуться, разругаться с ним и тут же, спустя десять минут, начать приставать к нему и тащить в спальню...

Славная она... Славная и родная. Поверить в то, что когда-то она не принадлежала ему, Роману, было трудно. Казалось, он рожден был с мыслями о ней. И с этими же мыслями согласился бы и умереть. Пускай будет только она, только его Настюха!..

До ресторана они добрались в рекордно короткое время. Он еще немного нервничал, когда Вадим заводил машину. Немного дергался, когда они втискивались в переполненную парковку. Но стоило ему войти в прохладный ресторанный зал, продуваемый насквозь конди-

ционерками, и усесться за заказанный заранее столик, как напряжение его начало понемногу отпускать.

Роман посмотрел на часы, сверил их с огромным циферблатом над ресторанным входом. Отпил воды из бокала и потянулся к меню. Посмотрит, пока Настя добирается. Из дома она уже выехала, домашний телефон не отвечал.

Стоило ему подумать о ней, как в кармане зашелся протяжным стоном мобильник.

Роман вытащил телефон, откинул крышку и с улыбкой поймал на табло Настин номер. Наверное, подъехала и требует его к машине. Она всегда стеснялась входить одна в ресторан. Ей казалось, что взгляды всех присутствующих обращены только на нее и никуда больше. И взгляды эти ее кололи, пугали и мешали сосредоточиться на походке и осанке. И она не могла тогда держать спинку, не могла высоко держать подбородок и не могла не спотыкаться. Ей непременно нужен был в таких случаях он – Роман. Она нервно тискала его рукав, опираясь на его руку, и, чтобы отвлечься, что-то болтала и болтала без умолку, а еще улыбалась ему. Улыбалась открыто и с обожающим огнем в глазах. Нет, пускай все-таки всегда будет у него Настюха. Всегда, до самой смерти...

Он быстро шел по залу, а потом по огромному ресторанному холлу, с улыбкой держа свой мобильник в руке. Он не хотел пока отвечать ей. Сейчас выйдет на ступеньки. Встанет под вывеской, тогда и ответит. Будет смотреть на нее, растерянno и беспомощно оглядывающуюся по сторонам, и будет говорить с ней. Она поймет, что он рядом, найдет его глазами и погрозит ему. Погрозит непременно...

Насте не было на том месте, где он ожидал ее увидеть. Она все еще сидела в такси – бежевой «пятерке» с ржавой левой дверью. Настя была как раз за этой самой дверью. Она сидела прямо за водителем, но его Роман не увидел. Он видел только Настю. Она была в том самом костюме из тонкого шелка, который он ей привез и за который отвалил целое состояние. Волосы... Она очень красиво подобрала волосы, открыв высокий лоб и лицо. Милое, родное лицо, которое отчего-то показалось ему сейчас излишне бледным. Оно маячило за грязным машинным стеклом, о которое упирались аккуратные ладошки его Насти. Так... А... а как же телефон?! Он все еще продолжал звонить в его руке, и там все также значился Настин номер! Но в ее руках не было никакого телефона!..

Прежде чем сообразить, зачем он это делает, Роман нажал кнопку и тревожно спросил: – Настя?!

Нет, конечно, нет! Какая Настя, когда она по-прежнему продолжает смотреть на него испуганно и беспомощно и стучит ладонями по стеклу?!

– Алло!!! – закричал Роман и медленно пошел на зов широко распахнутых от страха глаз жены. – Алло!!! Что за черт, твою мать???

И вот тут... Господи, он, наверное, всю оставшуюся жизнь будет слышать и видеть это!..

За секунду до того, как небо обрушилось на землю, за крохотную секунду до того, как машина вместе с его Настей оторвалась колесами от земли, в ухо ему произнесли:

– Бай-бай...

Машины не стало. Ее просто не стало, и все. Не стало вместе с Настей, его милой, родной, ранимой, которая звала его и ждала его помощи и которая всегда стеснялась входить в ресторан в одиночестве...

Господи, разве можно жить после всего этого?! Жить, видеть что-то вокруг себя, слушать и осязать, разве можно после такого?! После того как столб огня поглотил бежевую «пятерку» с ее ржавой левой дверью, за которой ждала его жена...

Роман почти не почувствовал, как толкнула его в грудь взрывная волна. Не понял, что падает. И рядом с ним падает кто-то еще. Он с сумасшедшей силой все еще прижимал к уху трубку и слушал.

– Я решил повременить с тобой, – просто пояснил ему его ночной мучитель. – Ты должен понять меня. Понять и прочувствовать...

– Что??? – Он не помнил, говорил ли он это или в бешеном крике надрывался лишь его мозг. – Что я должен прочувствовать???

– Ты забрал у меня то, что никак не должен был забрать, и я забрал у тебя то, на что никак не имел права. Бай-бай...

Телефон отключился. Роман не сразу это понял. Он все еще продолжал тискать трубку и вжимать ее в ухо. Все еще надеялся услышать хоть что-то. Когда догадался, что не услышит уже ничего сегодня, уронил руку с телефоном прямо на ступеньки и в изнеможении закрыл глаза.

Он забрал ее у него... Он забрал...

Он забрал у него его Настюху. Милую чудачку, которая, может быть, когда-то и состарилась бы, но никогда бы не смогла повзрослеть. Так и осталась бы босоногой девчонкой, шлепающей по утрам по изумрудной траве в их саду.

За что??? За что??? За кого?.. За кого он платит такую дорогую цену, господи???

Он ведь так ни о чем и не догадывается. Ни о чем...

Глава 6

Они вернулись с Николашиной дачи, когда уже совсем стемнело.

Рита весь вечер проторчала на балконе, вслушиваясь в затихающий городской гул и пытаясь отфильтровать в нем утробный урчащий звук, издаваемый машиной Кораблева. Их не было. Она несколько раз уходила с балкона на кухню и готовила себе кофе. Возвращалась с огромной кружкой в руке. Усаживалась в старенькое кресло-качалку, натягивала на голые колени бабкину растянутую кофту и снова слушала.

Нет... Их все еще не было...

Она искупалась. Постелила себе постель. Влезла в ночную сорочку в бабочках и кружавчиках и улеглась поверх одеяла, все еще продолжая вслушиваться.

Почему-то ей было очень важно дождаться их возвращения. От того, как эти оба поведут себя по возвращении, многое зависело. Ну, например, то, каким будет начало истории, что она намеревалась придумать про Кораблева.

А они все не возвращались и не возвращались.

Ближе к одиннадцати ночи по еловым лапам мягко зашуршал дождик, и в открытую балконную дверь потянуло влажной прохладой.

Рита поежилась, промчалась на цыпочках к балкону и, откинув в сторону тюлевую шторку, захлопнула дверь. И вот тут-то... Тут-то Кораблев и подъехал на своем низком хищном автомобиле.

Забыв о том, что она в одной ночной рубашке, а на улице достаточно свежо, Рита выскочила на балкон и свесилась через перила.

Приехали! Точно приехали!

Видеть их она, конечно, не могла. Мешали елки и темнота, но вот слышать их ласковую переключку смогла беспрепятственно. Ночная тишина уснувшего двора была прекрасным проводником. Она очень доходчиво и внятно преподносила вниманию Маргариты Жуковой и томное похотывание Зиночки, и мужественный рокот Эдика Кораблева. Когда до нее донеслось его «детка», обращенное, разумеется, к Зине, Рита с балкона ушла.

Вот, собственно говоря, и все! Вот вам и история готова. Можно было и не заморачиваться особо, и не напрягаться в поисках сюжета. Все прозаично и незатейливо, как кусок банного мыла.

Она – Зиночка – охотница. Он – Кораблев – жертва.

Она весьма уверена в себе, неплохо подготовлена, достаточно умна и искушенна.

Он красивый, преуспевающий, подающий надежды и как начинающий юрист, и как чей-то будующий муж. В данном случае на роль супруги претендует Зинаида.

Она наверняка добьется своего. Он наверняка уступит, поскольку устанет сопротивляться.

Все! Хеппи-энд им обоим уготован.

Зина переедет в его «двушку», если у него уже где-нибудь не заложен фундамент будущего семейного гнезда. И станут они жить-поживать и добра наживать...

Рита поморщилась. Скучно, противно, и совсем ей не нравится. Не нравится потому, что мало похоже на правду и совсем не похоже на Кораблева.

Для чего-то все же он ее целовал в той сосновой посадке. И для чего-то приглашал с собой, и если бы не Зинка, как знать, кого бы сейчас именовал деткой Эдик.

Укрывшись одеялом с головой, Рита принялась считать до сотни и обратно. Обычно ей это помогало, и где-то на четвертом десятке обратного отсчета она благополучно засыпала. Сегодня это не помогло. Хотелось ей этого или нет, но уши упорно ловили звуки, раздающиеся

из подъезда. Ей было слышно, как работает лифт, поднимающий сладкую парочку на их четвертый этаж. Потом хлопнула одна из дверей, попробуй разберись – чья именно. Потом снова звук открываемой и закрываемой двери, и снова, и еще раз.

Чем, интересно, занимаются эти двое, разозлилась она где-то минут через десять беспрестанных блужданий ее соседей. Дел больше нет, как в полночь мотаться из одной квартиры в другую. Людям, между прочим, завтра с утра на работу. Кораблеву, кстати, тоже. Так что тогда происходит...

Рита выбралась из постели и побрела в кухню. Включила свет, проводила неприязненным взглядом улепетывающего таракана-одиночку и потянулась к чайнику. Зажечь газ она так и не успела, в дверь позвонили.

На площадке стоял Кораблев с бутылкой вина, коробкой торта и изящным букетиком белых гиацинтов.

– Привет, Марго! Спишь, что ли?

Весь его вид источал такое благодушие, такое непередаваемо нахальное самомнение, что Рита еле сдержалась, чтобы не захлопнуть дверь у него перед носом.

– Пытаюсь, – уклончиво ответила она, обнимая себя за плечи и тихонько презирая себя же за дурацкую ночную рубашку такой непрезентабельной расцветки. – Уже вернулись?

– Ну да, а ты чего удрала? Ни с кем не попрощалась. Нехорошо, Марго. Совсем нехорошо. – Эдик вдруг потеснил ее и без приглашения переступил порог ее квартиры. – Не возражаешь?.. Стало скучно, решил вот зайти, по-соседски чайку попить. Ах, кстати, это тебе.

Кораблев втиснул букет гиацинтов куда-то почти ей за пазуху, пристроил бутылку вина и коробку с тортом прямо на пол и принялся развязывать шнурки на ботинках. При этом он несколько раз очень сильно наклонялся, пытаясь сделать вид, что заглядывает ей под подол, совершенно по-идиотски хихикал и даже отпустил ей что-то вроде комплимента. Рита на эту его возню не клюнула, продолжая с напряженным вниманием ожидать развязки. Предчувствие ее не обмануло, потому что где-то минуты через три после того, как Эдик обосновался в ее кухне, в дверь снова позвонили.

– Ага! – делано обрадовалась Рита. – А вот и главные действующие лица!

– Кто это? – Эдик замер с занесенным над тортом ножом, подозрительно окинул хозяйку с головы до ног и попенял ей. – Зайди вот в гости к соседке!.. Кто это может быть, Марго?

Никем, кроме Зины, разумеется, это быть не могло.

Она стояла – с большим трудом, кстати, стояла – у дверей квартиры Маргариты Жуковой и без паузы жала на кнопку ее звонка.

– Здравсте, – поприветствовала Зину Рита, убирая ее холодные пальцы со звонка.

– Привет. Он у тебя? Я зайду...

Рита отошла в сторону, пропуская Зину. Закрыла дверь и пошла за ней в кухню. Там, по ее личным предположениям, сейчас должна была завязаться и идти по нарастающей банальная сцена ревности.

Зиночка предъявляет, Кораблев обороняется, Маргарита... Маргарита, если честно, не знала, что она должна делать в данной ситуации. Вроде бы и интересно понаблюдать, но в то же время – скучно и предсказуемо.

Она села на свое любимое место напротив окна, пристроила подле левого локтя крохотный букетик, подперла подбородок кулачком и уставилась на этих двоих.

Зина сидела на шаткой табуретке Жуковой и высверливала взглядом дырки на тщеславном челе Кораблева Эдуарда. Последнего, судя по всему, это несколько не занимало. Он нарезал торт на аккуратные прямоугольные кусочки, разложил их на три блюда, что самостоятельно отыскал в Ритиных шкафах. Выкрутил острием ножа пробку из бутылки, потому что отчаялся найти еще и штопор, и вопросительно потряхивал теперь бутылкой, призывая Риту помочь ему со стаканами. Рита показала ему глазами все на тот же навесной шкаф, где у нее

хранился Анькин подарок к прошлому Новому году. Белая картонная коробка, а в ней пять хрустальных фужеров. Шестой разбил кто-то из Анькиных отпрысков все на тот же Новый год. Шалил с лимонадом и разбил...

Кораблев и на этот раз справился с поисками. Плеснул понемногу в каждый из трех фужеров. Поднял свой повыше и произнес:

– За мирное соседство, барышни!

Рита погасила свою улыбку, уткнувшись в вино. Зина злобно и громко фыркнула и, поспешно расправившись с вином, потребовала еще.

– А тебе не хватит, детка? – Ничего доброго или теплого в голосе, металлическая жесткость и непримиримая холодность, но он все же налил ей.

– Я сама решаю, что, с кем и когда мне хватит, – проговорила Зина, покручивая фужер перед глазами, будто любуясь рубиновыми зайчиками, вспыхивающими в хрустальных изломах. – Сейчас вот напьюсь и...

– И??? – Кораблев заметно напрягся.

– И все мы будем... будем... будем искать десять отличий, твою мать! – Зина странно взвизгнула и зашлась истерическим хохотом, без конца повторяя: – Десять отличий!.. Найди десять отличий и выиграй... Твою мать, десять отличий!!! Марго!.. Кстати, тебе нравится, как он тебя называет?.. Марго!.. Рыжекудрая, неприступная Марго!.. А что, Марго, станем искать десять отличий, а?.. Ты меня понимаешь, Марго? Понимаешь, о чем я?

Рита давно поняла, о чем она.

Что-то все же пошло у них не так этими выходными. Не помогло и ее личное бегство. И потрясающе эффектная внешность Зиночке не помогла. Потому и напилась она, и снова лезла меж ними без приглашения.

Ай да Кораблев!.. Ай да молодец! Неужели устоял?! Как же можно устоять против таких-то прелестей...

Десять отличий, ага, щас, разбежится она и подпрыгнет. Ей хватит и одного: она в глазах Зинаиды была, есть и будет ржавой крысой. Не хватало еще, чтобы она наскребла дополнительные девять и озвучила их под одобрительное молчание Кораблева.

– Так, соседи! – Рита отставила фужер и легонько пристукнула по краю стола. – Мне завтра на работу. Так что...

– А как же десять отличий? – все никак не унималась Зиночка, заходясь смехом до икоты. – Марго, уверяю, тебе понравится.

– Зи-ина! – перешла на угрожающий тон Рита и встала в характерную позу у дверей кухни. – Всем пока!!!

Кораблев поднялся. Подошел к окончательно захмелевшей Зиночке и, выдернув ее с табурета, потащил в прихожую. Голова у той болталась из стороны в сторону то ли от хмеля, то ли от смеха. Она ведь так и продолжала смеяться. И смеялась все то время, пока Эдик отпирал Зинину квартиру, втискивал ее за порог и закрывал затем за ней дверь.

– Вот достала, а! – пробормотал он, положил Зинины ключи Рите в ладонь, слегка сжав ее. – Отдашь завтра утром. Мне с ней видаться не хочется.

– Отдам, без проблем. – Рита пожала плечами и пошла к себе.

Она устала, продрогла в одной ночной сорочке и устала ощущать на себе странный, какой-то ускользающий взгляд Эдика. Пора было в кровать и поспать. Завтра будет понедельник, один из самых нелюбимых ею дней. Ночной дождь, если он затянется до утра, обещал эту нелюбовь укрепить в своих позициях. И нужно постараться хотя бы сделать над собой усилие выспаться и к утру хоть как-то выглядеть. Но у Кораблева, видимо, были на этот счет свои собственные планы. И про понедельник про ее он ничего не знал. И про дождь, что развезет хмурое утро в огромные очереди на остановках и преподнесет сюрпризом истоптанные в автобусе туфли. Не знал он об этом ничего. Он поймал ее за ночную сорочку и вошел следом за

Ритой в квартиру. Толкнул спиной дверь, захлопывая. И как только Рита повернулась к нему, изумленная, растерянная и немного – совсем чуть-чуть – злая, Эдик поцеловал ее. Он целовал Риту очень долго и умело. Целовал и трогал ее под тонкой ночной сорочкой в дурацких бабочках и тонких ленточках дешевого кружева. И говорил еще что-то. Говорил тоже очень умело и долго. А Рита... Хладнокровная, умненькая Рита, всегда способная додумать до конца чужую историю, вдруг окончательно потерялась под его умелым натиском. Она совсем забыла, что история про Кораблева у нее выходила банальная и неинтересная. Так себе выходила про него история с заведомо известным финалом про загс с Зиной под ручку. И даже забыла о том, что недавние его поцелуи почему-то не произвели на нее почти никакого впечатления, почти...

Она обо всем этом забыла.

Эдик был рядом. Он чертовски хорош собой, неподражаемо сноровист, и сумел-таки заставить ее думать и мечтать о совсем другом завершении ее еще не сложенной истории про него.

– Марго... Какая же ты... Какая же ты шикарная, Марго...

И она верила! Верила и тоже шептала ему что-то похожее. И им было так хорошо вдвоем...

На старом бабкином диване, стонущем под ними на все лады, они занимались любовью, позабыв обо всем.

Рита точно обо всем позабыла.

И про неудавшиеся выходные, удались же...

И про то, что у Эдика совсем нет фотографий; ну и что, не любит он воспоминаний, живя настоящим.

И про Зину...

Главное, она забыла про Зину с ее шикарной претенциозной красотой. Рита, позабыв, не учла главного: такие люди, как Зинка, не уходят из жизни, не оставив в ней жирного рельефного следа. Почти никогда они не уходят незамеченными. Никогда...

Глава 7

Он не мог себе позволить оплакивать ее более трех дней. Погребального срока, принятого на их общей родине.

Не мог позволить себе запить, валяясь на кровати, отвернувшись ото всех.

Не мог позволить себе бросить все и сбежать.

Он ничего не мог себе позволить, даже бояться.

Единственное, на что его еще хватало, это по-прежнему заниматься делами и отвечать на множественные вопросы представителей убойного отдела.

Хвала небесам, ребята ему попались с пониманием. В душу особо не лезли, вопросов много не задавали, подозрениями не оскорбляли.

Один, правда, особо дотошный, как-то спросил его:

– Вам лично никто не угрожал?

– Мне?! – Роман так дернулся, словно его обожгли, и тут же отрицательно замотал головой. – Мне не могут, не должны угрожать. Я честный человек. С криминалом никаких дел не водил и водить не собираюсь. Так что...

– А может быть, это что-то личное? – дотошный малый, тезка отца Баловнева, смотрел на него вполне по-доброму, но очень уж как-то пронизательно. – В вашей жизни не было никаких трагедий, способных подвигнуть кого-то на месть?

Он говорил словно по писаному, словно знал о чем-то или вполне очевидно догадывался. Но Баловнев Роман Иванович его разочаровывал снова и снова, отрицая все имеющиеся у сыщиков мотивы.

Он не знает, не подозревает и не догадывается – это для сыщиков.

И для себя: он тоже не догадывался, что нужно от него тому страшному человеку, чей голос стал преследовать его даже во сне.

И снов-то особо не было. Так, какие-то неконкретные сполохи огня, дикий крик его Настены, который он уже додумал для себя, потому что не услышал тогда. И вот посреди всего этого хаоса – гнусный мужской голос. Он постоянно что-то говорил Роману, о чем-то напоминал, в чем-то упрекал. Но, просыпаясь в холодном поту, Роман ничего не мог вспомнить. Ничего, кроме самого звука этого голоса и еще дикого крика Насти...

Каждое утро в течение последних трех недель, минувших со дня ее гибели, Роман ездил к ней на кладбище. Каждое утро двенадцать белых роз. Каждое утро десять одиноких минут. И потом оставшиеся двадцать четыре часа полного болезненного одиночества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.